A decorative border with a repeating floral motif, consisting of stylized leaves and scrolls, framing the central text.

ДЖОН
ДОНН

ИЗБРАННОЕ

ДЖОН ДОНН

ИЗБРАННОЕ

ДЖОН
ДОНН

Джон Донн

ИЗБРАННОЕ

из его
ЭЛЕГИЙ,
ПЕСЕН И СОНЕТОВ,
САТИР, ЭПИТАЛАМ
И ПОСЛАНИЙ

В ПЕРЕВОДЕ
Г. КРУЖКОВА

*с добавлением гравюр, портретов,
нот и других иллюстраций,*

а также
с предисловием
и комментариями
переводчика

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1994

ББК 84.4Вл.
Д67

Перевод с английского,
предисловие и комментарии
Григория Кружкова

Художник
Сергей Стулов

На фронтисписе — портрет Джона Донна

Переводчик выражает глубокую благодарность
Британскому совету и Международному центру
художественного перевода при Университете Во-
сточной Англии (Норидж) за помощь и поддерж-
ку при подготовке этой книги.

Д $\frac{4703010200-2}{M172(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5—239—01855—3

- © Григорий Кружков. Перевод, предисловие и комментарии, 1994
- © Сергей Стулов. Художественное оформление, 1994

Все *человечество* есть творение одного *автора* и составляет единый *том*; когда Человек умирает, то соответствующая *Глава* не выдирается прочь из *книги*, но переводится на иной, лучший язык.

Каждая *Глава* должна быть *переведена*, и немало *переводчиков* трудятся у *Господа*; одни части переводит *старость*, другие — *болезнь*, иные — *война* или *правосудие*; но *Божья* рука видна во всяком переводе.

Джон Донн

A handwritten signature in black ink, appearing to read "John Donne". The script is cursive and somewhat stylized, with a large initial 'J' and a long, sweeping underline.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Е ОДНО желание соблюсти старинный ритуал — снять шляпу и раскладываться перед публикой — побудило меня написать это краткое предведение к читателю, но также необходимость рассказать, как возникла эта книга; что, в свою очередь, объяснит некоторые ее недостатки. Перед вами — не специально составленный и переведенный сборник; я просто собрал вместе все, что у меня накопилось почти за пятнадцать лет работы над Донном, и нашел, что картина получается довольно цельная.

Книгу составили главным образом сатирические и любовные стихотворения Джона Донна; поздняя его философская и религиозная поэзия остается, таким образом, за пределами этого тома.

Жаль, конечно, что среди «песен и сонетов» отсутствуют несколько стихотворений, относящихся к безусловным шедеврам Донна. Ничего не могу с собой поделаться: если уже существует перевод, который воспринимается мною как прекрасный, восхищение перед ним отбивает всякую охоту делать еще одну версию. Так мне довелось (в 1978 году) прочесть «Восторг» и «Ноктюрн в день Святой Люси»* в переводе А. Сергеева, а также «Прощальную речь о слезах»** в переводе А. Сендыка — и обаяния этих русских стихов вполне достаточно для меня; любовь к ним делает их *почти моими*. Но увы! — этого слишком мало для того, чтобы включить их в свой авторский сборник.

* *Ecstasy; A Nocturnal upon S. Lucy's Day*

** *A Valediction: of Weeping*

Тут собраны переводы разных лет; конечно, они разного качества. Первые опыты, по-видимому, грешат излишней вольностью, «скругленностью». Но я не отказываюсь и от этих ранних переводов; надеюсь, что и в них (например, в первой эпиталаме, в «Шторме») есть что-то стоящее, схваченное хоть и на ощупь, но интуитивно верно.

Девять лет греки осаждали троянцев, штурмы сменялись затяжной осадой. Так и я много раз приступал к Донну и отступал, собираясь с силами до следующего раза. Нетрудно определить, что песни и сонеты, в основном, делались раньше, а элегии и сатиры позже. Конечно, «многобашенной Трои» я не взял, но кое-какие раны и трофеи мне достались. Приношу и то и другое на суд читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЛОНДОНСКОМ соборе Св. Павла есть статуя Джона Донна. Он стоит на пьедестале, закутанный в саван, спеленутый его беломраморными складками, — безжизненная куколка, из которой выпорхнула и отлетела душа поэта — последняя метафора короля метафор, «монарха всемирной монархии Ума», как называли его современники.

Пожар 1666 года уничтожил старое здание собора со всем, что в нем было, но провидение сохранило памятник Донну: так же, как сохранило его и в 1940 году, когда храм Св. Павла — великолепное барочное сооружение Кристофера Рена — сильно пострадал во время жестоких многонедельных бомбардировок Лондона. Лишь какая-то бурая подпалина осталась на постаменте — то ли след «Великого лондонского пожара», то ли знак внутреннего огня, сжигавшего пленный дух того, кто в течение десяти последних лет был настоятелем собора, — преподобного доктора Донна.

Судьба его если не для жития, то уж для нравоучительного романа про раскаявшегося грешника подходит идеально. Сперва мы видим молодого повесу, искателя любви и приключений; легкомысленного поэта, что ради красного словца не пожалеет, как говорится, ни мать, ни отца. Затем — улыбка фортуны, начало многообещающей государственной службы; и вдруг — резкий поворот: роковая страсть к племяннице своего патрона и тайный брак, ло-

МОНУ-
МЕНТ

СУДЬБА

мающий так удачно начатую карьеру (1601). Долгие годы, проведенные в унижительной бедности, невзгоды, заботы, смерть детей (Мэри и Фрэнсис — 1614) и, наконец, решение принять духовный сан (1615). Сожаление о написанных в молодости стихах и полное их осуждение. Слава блестящего, красноречивейшего проповедника, все более ревностное, страстное служение Всевышнему, благочестивые раздумья о смерти. Смирненная кончина — венец и апофеоз христианина (1631).

О такой ли судьбе и о такой ли кончине он писал в молодости, обращаясь к своей возлюбленной:

Канонизация

Без страха мы погибнем за любовь;
И если нашу повесть не сочтут
Достойной жития, — найдем приют
В сонетах, стансах — и воскреснем вновь.
Любимая, мы будем жить всегда,
Истлеют мощи, пролетят года —
Ты новых менестрелей вдохнови!
И нас канонизируют тогда
За преданность Любви.

**КАНОНИ-
ЗАЦИЯ**

В наследии Донна проповеди и богословские труды занимают куда больше места, чем стихи. И все же славен он «в подлунном мире» именно стихами. Впрочем, *канонизация* Джона Донна как великого поэта была и долгой, и очень непростой. В середине XVII века его посмертная слава достигла пика. Целая плеяда поэтов (получившая впоследствии название «метафизической школы») почитала его своим учителем. Но сменился век, и сменились вкусы. Стиль Донна, с точки зрения классицизма, был слишком сложным и вычурным. Уже Драйден пишет (в 1692 году):

«Он пускает в ход метафизику не только в своих сатирах, но и в любовных стихах, где должно править одной Природе, засоряя головки милых дам сложными философическими умозрениями, когда ему следовало бы обратиться к их сердцам, дабы увлечь их нежностями Любви».

А Сэмюэл Джонсон в 1781 году выносит окончательный вердикт:

«Эти примеры (из стихов Донна) доказывают, что все нелепое и порочное — следствие добровольного отклонения от природы в погоне за новизной и странностью и что, желая поразить, писатель оказывается неспособным восхитить».

Таким образом Джон Донн оказался надолго вытесненным из популярных антологий — всех этих «Золотых кладовых» и «Жемчужин английской поэзии». Понадобился весь девятнадцатый век, да еще с придачей, чтобы в этом «странном» авторе распознать одного из величайших поэтов английского языка. Поворотной тут была статья Элиота 1921 года. После этого слава Донна идет crescendo. Он оказался удивительно созвучен XX веку и немало повлиял на ряд крупных поэтов — от того же Т. С. Элиота до нашего Иосифа Бродского.

Видимо, та «существованья шаткость», о которой писал Донн, оказалась сродни нашему сегодняшнему мироощущению. Ведь он жил в такое время, когда жизнь человека его класса слишком часто зависела от прихоти фортуны. Это была эпоха, когда состояния наживались так же быстро, как терялись, и за головокружительным возвышением могла последовать внезапная и решительная опала. Это был век острейших религиозных распрей и споров, век

ЭПОХА

постоянных войн и внешних угроз стране и монархии, век шпионов и доносчиков, интриганов, искателей карьеры, всевозможных «флибустьеров и авантюристов».

И в то же время это был век бурного развития искусств. Донн родился в 1572 году. Когда, получив первоначальное образование в Оксфорде и Кембридже, он приехал в Лондон, Шекспир заканчивал третью часть «Генриха VI». За несколько ближайших лет он напишет еще «Укрощение строптивой» (1593), «Два веронца» (1594), «Ромео и Джульетту» (1595), «Сон в летнюю ночь» (1595). В эти годы молодой Джон Донн — студент правоведения в лондонской юридической школе Линкольнз-Инн. По воспоминаниям современника, это был «блестящий молодой кавалер, жадный до развлечений, но не беспутных, а вполне благопристойных, большой поклонник дам (*'a great visiter of ladies'*), заядлый театрал и сочинитель весьма изощренных стихов».

Бен Джонсон считал, что все лучшее было написано Донном к двадцати пяти годам, следовательно, до 1597 года. Это едва ли верно; тем не менее, многие из его сатир и элегий, вероятно, уже ходили в рукописях и он успел стяжать себе репутацию блестящего и циничного остроумца, а также лирика с особой реалистической жилкой, идущей вразрез с модной в то время любовной поэзией.

ТЕМПЕРА-
МЕНТ

Вспомним опять «Ромео и Джульетту». Несмотря на весь ее итальянский антураж, это пьеса о современном Шекспиру Лондоне, где распря между знатными домами вполне могла вылиться в уличную потасовку вроде той, с которой начинается трагедия. В группе молодых

людей из враждующих семейств Монтекки и Капулетти легко узнать портреты типичных лондонских кавалеров. Донн вполне мог бы водить дружбу с Ромео и Бенволио, Меркуцио и Тибальтом. Как остряк, он бы заткнул за пояс Меркуцио; как ухажер, перещеголял бы Ромео; как забияка, должно быть, не уступил бы Тибальту. И при случае вполне мог бы закатить истерику со слезами, как Ромео в келье брата Лоренцо.

«Обилие слез в поэзии Донна и в пьесах елизаветинцев, — писал один из современных критиков, Дж. Ривз, — указывает на поразительную разницу темпераментов между тем веком и нынешним. В наше время британская традиция предписывает мужчине стоическое поведение, исключаящее слезливость. Владение своими чувствами и подавление эмоций считается нормой. С этой точки зрения, многое в стихах Донна и драмах Шекспира покажется просто непонятным. Правда, и персонаж Шекспира, потрясенный утратой жены, ребенка или друга, просит прощенья за свои «немужественные капли» ('unmanly drops'), но сама частота упоминания этих «капель» свидетельствует о такой привычке поведения, когда эмоции раскаляются очень близко к поверхности и в любой момент могут найти выход в жестокости, истерике или поэзии».

И лишь в одном отношении Донн стоял неизмеримо выше, чем «золотая веронская молодежь». Он был не только пылок и необуздан, но — интеллектуален. Причем в лучших его стихах ум и чувство едины, между ними нет того конфликта, который ощутим, например, у поэтов-романтиков. Донн никогда не смог бы

ИНТЕЛ-
ЛЕКТ

воскликнуть, как Китс: «О, если бы жить не мыслями, а ощущениями!» ('O for a life of sensations rather than of thoughts!') В наше время чисто эмоциональная лирика, пользующаяся заклинаниями типа: «Любовь моя — роза красная», уже не может полностью удовлетворить взрослого читателя: слишком многое ему надо забыть, чтобы перенестись в этот наивный Эдем чувства. Но чтобы читать и ценить Донна, совсем не требуется «отключить мозги» и вернуться к младенческой невинности, когда «любовь питалась молоком грудным».

Портрет

Но в зрелых годах ей уже некстати
Питаться тем, что годно для дитяти.

**БУНТ
ПРОТИВ
ПРЕКРАС-
НОЙ
ДАМЫ**

Джон Донн смело пошел наперекор поэтической моде. Канон, утвержденный петраркистами, требовал, чтобы предмет любви (дама) был вознесен на пьедестал недостижимого совершенства, у подножья которого влюбленный (поэт) вздыхал, изнывал, а в особо торжественных случаях умирал от любви. Донн не только понял, что любовь совсем не такова, у него хватило самобытности начать писать совершенно по-другому.

Вертикаль отношений он заменил на горизонталь — и отменил вассальную зависимость в любви. Разговор пошел на равных; а если порой и сверху вниз, то это иногда — бунтарский перехлест, юношеская поза, но чаще — трезвый взгляд на природу женщин (и мужчин), порождающий грусть, насмешку и горечь.

*Тройной
дурак*

Я дважды дурнем был:
Когда влюбился и когда скулил
В стихах о страсти этой...

Но рядом со скептическими и насмешливыми строфами — стихи, поражающие цельностью и высотой чувств. В них возвеличивается не Дама, а сама Любовь, абсолютное слияние и единство любящих душ. Философская подоплека этих стихов — итальянский неоплатонизм, но под пером Донна абстрактные идеи выливаются в живые и страстные гимны. Таковы «Доброе утро», «К восходящему солнцу», «Канонизация», «Годовщина» и другие стихотворения.

Интересно, что (в отличие от обычной мадригальной поэзии) тут нет никаких похвал красоте возлюбленной, эстетический момент полностью вытеснен этическим. Разговор, повторяю, идет на равных. Поэт требует от своей избранницы понимания, верности, умения хранить тайну, терпения и мужества. (Согласимся, что это мало похоже на список традиционных женских добродетелей.) Сам нетривиальный способ рассуждений, подразумевающий в себе-седнице незаурядный уровень интеллекта, вызывает такое уважение к ней, которое никогда не совмещается с расхожими любезностями и обрядовой лестью.

Все это было настоящим прорывом в лирике. И новый тип героини, и новый способ утвердить — вопреки естественному скепсису, поверх пестрого сора житейских обстоятельств и поэтических условностей — сокровенную, сакральную сущность Любви. Даже запрет рыдания в час разлуки он связывает с обязанностью хранить тайну:

Кошунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

ГИМНО-
СЛОВИЕ

*Прощание,
возбраняю-
щая печаль*

Но как же все-таки совмещается несовместимое? Жрец высокой любви и легкомысленный отрицатель, циник, способный закончить стихотворение таким афоризмом:

*Алхимия
любви*

Нет, знавший женщин скажет без раздумий:
И лучшие из них мертвее мумий.

СТИХО-
ТВОРЕ-
НИЕ
КАК
МИНИ-
ПЬЕСА

Неправда ли, трудно представить, что такие разные стихи написаны одним человеком? А почему, собственно, трудно? Разве не один автор почти одновременно сочинял и нежный монолог Джульетты, и скабрзные шутки кормилицы? Но то, скажут, — пьеса, драматургия, а это — лирика. Да, но лирика, вскормленная драматургией, насквозь пронизанная драматическим действием. Что касается элегий, это просто бросается в глаза: они построены, как монологи в пьесе, только сценических ремарок не хватает. Но возьмите и «песни с сонетами». Например, «Призрак»:

Призрак

Когда убьешь меня своим презреньем,
Спеша с другим предаться наслажденьям,
О мнимая весталка, — трепещи!

Ей-богу, Донн запугивает здесь свою слушательницу точь-в-точь, как озорник, рассказывающий в темной спальне историю про синюю руку! Просто слышно, каким зловецим, завывающим голосом произносятся эти «трепещи!» — «и задрожешь ты...» — «и призрак над тобой / Произнесет...». Но в этот самый патетический момент, когда уже готовы прозвучать слова призрака, следует чисто театральная пауза, нагнетающая ужас до предела... и неожиданное продолжение:

Но нет, еще не время! —

мастерский удар, оставляющий жертву в «подвешенном», неопределенном состоянии (шахматист бы сказал: «Угроза сильнее выполнения»).

Нам сейчас даже трудно представить, насколько театрализована была жизнь в ту эпоху, насколько естественно воспринималась знаменитая (еще античная) сентенция: «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры». Но без этого мы не поймем самой сути великих людей Возрождения, этого «племени гигантов», по выражению Кольриджа, — их противоречивости, многогранности, универсальности. Один человек мог быть и дипломатом, и воином, и мореплавателем, и ученым, и поэтом. Ведь это требовало не только энергии и ума, но и привычки к перевоплощению.

Таким артистизмом в высшей степени обладал Донн. Не случайно, что, оставив поэзию, он сделался знаменитым на всю Англию проповедником. И проповеди его были не менее блестящи, чем стихи. Воистину — природа артиста боится пустоты!

Но и в самой религиозности Донна заключается, по-видимому, глубокий конфликт или, вернее, целый клубок конфликтов. Мы многого не поймем в его темпераменте и в его поэзии, если не учтем среды, из которой вышел Донн. Он родился и был воспитан в чисто католической семье; одним из его предков был знаменитый Томас Мор, казненный Генрихом VIII за отказ признать англиканство. В восьмидесятые годы погиб на эшафоте его дядя по матери, Джаспер Хейвуд. Католицизм в те времена же-

АРТИ-
СТИЗМ

РЕЛИГИЯ
И ВЛАСТЬ

стоко преследовался в Англии, фактически находился вне закона. В 1593 году был арестован (за укрывательство католического священника) и умер в тюрьме младший брат Джона Донна, Генри. То есть Донн происходил из среды гонимых, «граждански неполноценных» людей. И хотя впоследствии (вероятно, около 1596 года) он перешел в англиканство — без этого его не взяли бы на государственную службу, — «маргинальность» происхождения, компромисс, на который ему пришлось пойти, не мог не оставить глубокого следа в душе поэта. Сан англиканского священника, который он после долгих колебаний принял (по настоянию короля Якова), можно рассматривать, как продолжение этого компромисса. Конфликт между внутренней свободой человека и оказываемым на нее извне давлением прочитывается, например, в третьей сатире Донна.

Сатира III

Власть как река. Блаженны те растения,
 Что мирно прозябают близ теченья.
 Но, если, оторвавшись от корней,
 Они дерзнут помчаться вместе с ней,
 Погибнут в бурных волнах, в грязной тине
 И канут, наконец, в морской пучине.
 Так суждено в геенну душам пасть,
 Что выше Бога чтят земную власть.

СРЕДИ- ЗЕМНО- МОРЬЕ

В биографии Джона Донна есть довольно загадочный эпизод, связанный с его путешествием в молодости за границей. Что такое путешествие состоялось и что он провел значительное время в Италии и в Испании, несомненно. Но когда это было, точно неизвестно; биографы склонны считать, что в 1589—1591 годах, после Кембриджа, но до поступления в лондонскую

юридическую школу. Туман неизвестности, которым покрыта эта часть жизни Донна, дает основание предположить, что речь могла идти о получении католического образования. В ту пору много английских юношей-католиков покидало родину из религиозных соображений. На волосок от эмигрантской судьбы был и Донн, но что-то ему, по-видимому, не понравилось в открывшейся перспективе, карьера миссионера и мученика не прельстила его. Во всяком случае, месяцы проведенные на континенте, дали ему возможность усовершенствоваться в языках итальянском и испанском; в его сатирах и элегиях заметно влияние не только древнеримского, но и итальянского ренессансного острословия — в особенности, глумливой и пародийной поэзии Франческо Берни.

Этот средиземноморский перец недурно приправляет суровую метафизику его мысли. Глобальный, космический охват явлений, жгучий интерес к «последним вопросам» бытия пульсирует уже в ранней лирике Донна. Что такое его послания, его знаменитые вaledикции (прощания), как не попытки преодоления времени и пространства? Разлука влюбленных для него — всегда метафора смерти.

Но наш не вечен дом,
И кто сие постиг,
Тот загодя привык
Быть легким на подъем.

Так говорит поэт, оправдывая перед любимой свой отъезд. Такой нешуточной интонации не было еще в мировой поэзии. Донн — одна из высочайших вершин европейского Возрождения именно потому, что в нем с предельной си-

ПРО-
СТРАН-
СТВО
И ВРЕМЯ

Песня
(«О, не печалься, ангел мой...»)

ИНДИВИ-
ДУАЛИЗМ

лой выражено индивидуальное, отделенное от коллективного бытия, сознание и бытие человека. И это нисколько не противоречит тому, в нем ярко проявилась и тяга к единению — единению с любимой, с людьми и с Богом. Ибо только часть, отъединенная от целого, может так страстно стремиться к воссоединению.

«Кто не склонит слуха своего, слышит скорбные звуки колокола? Кто не ощутит, что этот звон уносит из мира часть его собственного бытия? Ни один человек не есть остров, но каждый — часть материка, часть целого; если в море смоем даже один комочек земли, Европа станет меньше, как если бы это был мыс, или поместье вашего друга или ваше собственное. Смерть каждого человека умаляет меня, ибо я един с человечеством. Итак, никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе».

ОТЗВУКИ

Неудивительно, что мы встречаем интонации любовной лирики Донна у индивидуалистов нового времени. Например, у Байрона в прощальных «Стансах к Августе» («Когда время мое миновало...»):

*Перевод
Б. Пастернака*

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любви не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета...

Речь идет об опоре на беззаветно верное женское сердце, когда уходят из-под ног все другие опоры — мотив гамлетовский — и донновский. (Такая *идейная* связь тем более интересна, что прямое влияние Донна на Байрона маловероятно.)

Поэзия нашего века, претендующая на «вывихнутость сустава», как на некую аристократическую родовую приметку, многим обязана Донну напрямую. Знаменитая, «рекордная» метафора из «Прощания, возбраняющего печаль» — сравнение влюбленных с ножками циркуля, перекрытая уже Марвеллом (середина XVII века) в его геометрическо-астрономическом «Определении любви», многократно превзойдена по изощренности и проработке деталей в стихотворении Бродского «Пенье без музыки» (1970), которое без чертежа, пожалуй, и не разберешь.

Вообще, наука — астрономия, химия, физика и так далее — занимает в образной системе Донна примерно то же место, что в «обычной» ренессансной поэзии занимала мифология. И пусть конкретные факты и представления, на которые он ссылается, — атрибуты еще, по существу, средневекового знания, здесь важна сама тенденция.

Донн почти не упоминает античных божеств (Аполлона, Венеры и прочих). Внешняя, пластическая гармония не обольщает его, ведь облик — лишь оболочка, скрывающая суть, а он, прежде всего, — поэт духа. Даже его эротические стихи, при всей их вольности, скорее ритуальны, чем чувственны:

Явись же в наготу моим очам:
Как душам — бремя тел, так и телам
Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство. Лишь невежды
Клюют на шелк, на брошь, на бахрому —
Язычники по духу своему!

НАУКА И
НЕВЕЖЕ-
СТВО

На раздевание возлюбленной

Невежда, профан — вот истинный антагонист Донна. Он олицетворяет новую подвижность ума, по сравнению с которым старое мышление архаично, как рыцарский поединок с длинным прямолинейным разгоном и оглушительным железным грохотом сшибки.

Д'АРТА-
НЬЯН-
СТВО

Его оружие — не копьё, а шпага. Его арена — не дикое ущелье и не конное ристалище, а площадь, парк или таверна. Грубой силе — страсти, естества, предрассудка — он противопоставляет гибкость прекрасно отточенных аргументов. Даже ритм его стихов — нервный, неровный, как неровен рисунок боя у хорошего фехтовальщика. Порою он ввязывается в бесстолковую схватку от избытка задора и вообще слишком легко поддается настроению, но во всех его словах и поступках — какое-то особое «д'артаньянское» обаяние, смесь пылкости и рассудительности, упрямства и великодушия.

Поэт сам пишет роман о себе своими стихами. Понятно, что *двадцать лет спустя* — и, тем более, еще *десять лет спустя* — он уже будет не тот, что в молодости. Большая часть стихотворений, собранных в этой книге, написана до 1601 года. В 1621 году Джон Донн

получает от короля должность настоятеля собора Св. Павла,
а в 1631 году
умирает.

ДЖОН
ДОНН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭЛЕГИИ

РЕВНОСТЬ

Вот глупо! Ты желаешь стать вдовой
И тем же часом плачешься, что твой
Супруг ревнив. Когда б на смертном ложе
С распухшим чревом, с язвами на коже
Лежал он, издавая горлом свист
Натужно, словно площадной флейтист,
Готовясь изbleвать и душу с ядом
(Хоть в ад, лишь бы расстаться с этим адом),
Под вой родни, мечтающей к тому ж
За скорбь свою урвать хороший куш, —
Ты б веселилась, позабыв недолю,
Как раб, судьбой отпущенный на волю;
А ныне плачешь, видя, как он пьет
Яд ревности, что в гроб его сведет!
Благодари его: он так любезен,
Что нам и ревностью своей полезен.
Она велит нам быть настороже:
Без удержу не станем мы уже
Шутить в загадках над его уродством,
Не станем предаваться сумасбродствам,
Бок о бок сидя за его столом;
Когда же в кресле перед очагом
Он захрапит, не будем, как доселе,
Ласкаться и скакать в его постели.
Остережемся! ибо в сих стенах
Он — господин, владыка и монарх.
Но если мы (как те враги короны,
Что отъезжают в земли отдаленны
Глумиться издали над королем)
Для наших ласк другой приищем дом, —
Там будем мы любить, помех не зная,
Ревнивцев и шпионов презирая,

Как лондонцы, что за Мостом живут
Лорд-мэра или немцы — римский суд.

АНАГРАММА

Женись на Флавии, мой дорогой!
В ней сыщешь все, что было бы в другой
Прекрасным: не глаза ее, а зубы
Темны, как ночь; не грудь ее, а губы
Белей, чем алебастр; а нос — длинней
Ее, как перлы, редкостных кудрей;
Глаза — красней бесценного рубина;
И если взвод не в счет, она невинна.
В ней есть все элементы красоты,
Ее лицом гордиться должен ты,
А не вникать, как именно смешалась
В твоей любезной с белизною алость.
В духах неважно, что за чем идет:
За амброй мускус иль наоборот.
И чем тебя смущает эта дама?
Она — красы небесной анаграмма!
Будь алфавит к перестановкам строг,
Мы б не смогли связать и пары строк.
Взять музыку: едва прелестной песней
Мы насладимся, как еще прелестней
Другой певец нам песню пропоет,
А сложена она из тех же нот.
Коль по частям твоя мадам похожа
На что-то, то она уже пригожа;
А если не похожа ни на что,
То несравненна, стало быть, зато.
Кто любит из-за красоты, тот строит
На зыбком основаньи. Помнить стоит,
Что рушится и гибнет красота, —
А этот лик надежен, как плита.
Ведь женщины что ангелы: опасней
Падение — тому, кто всех прекрасней.
Для дальних путешествий шелк не гожд,
Нужней одежда из дубленых кож.

Бывает красота земель бесплодной,
А пласт навоза — почвой плодородной.
Коль ты ревнив (затем, что грешен сам),
Жена такая — истинный бальзам
От всех тревог: ей не нужна охрана —
Тут испугается и обезьяна.
Как наводнений мутная вода
Фламандские хранила города
От вражьих армий, — так в отлучку мужа
Ее лицо, мужчин обезоружа,
Хранит ее от скверны. Рядом с ней
И мавр покажется куда светлей.
Немыслимо, что можно покуситься
На эту сласть: девицей мнят блудницу.
Рожай она — побьются об заклад,
Что это у нее кишки болят.
Сама покайся — не поверят вздору,
Как ведьм под пыткой самооговору.
Ведь даже чурка, взятая в кровать,
И та побрезгует ее чесать.
Она чудна? нелепа? превосходно!
В наш век, что несуразно, то и модно.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Пусть накрепко перстами и устами
Союз любви скрепила ты меж нами
И пав, тем паче в любящих глазах
Возвысилась, — но не развеян страх!
Ведь женщины, как музы, благосклонны
Ко всем, кто смеет презирать препоны.
Мой чиж из клетки может улететь,
Чтоб завтра угодить в другую сеть,
К ловцу другому; уж таков обычай,
Чтоб были женщины мужской добычей.
Природа постоянства не блюдет,
Все изменяют: зверь лесной и скот.
Так по какой неведомой причине
Должна быть женщина верна мужчине?
Вольна галера, хоть прикован раб:
Пускай гребет, покуда не ослаб!
Пусть сеет пахарь семя животворно! —
Но пашня примет и другие зерна.
Впадает в море не один Дунай,
Но Эльба, Рейн и Волга — так и знай.
Ты любишь; но спроси свою природу,
Кого сильнее — меня или свободу?
За сходство любят; значит я, чтоб стать
Тебе любезным, должен изменять
Тебе с любой? О нет, я протестую!
Я не могу, прости, любить любую.
С тобою я тягаться не рискну,
Хоть мой девиз: «не всех, но не одну».
Кто не видал чужих краев — бедняга,
Но жалок и отчаянный бродяга.
Смердящий запах у стоячих вод,
Но и в морях порой вода гниет.
Не лучше ли, когда кочуют струи
От берега к берегу, ласки им даруя?

**Изменчивость — источник всех отрад,
Суть музыки и вечности уклад.**

АРОМАТ

Единожды застали нас вдвоем,
А уж угроз и крику — на весь дом!
Как первому попавшемуся вору
Вменяют все разбои — без разбору —
Так твой папаша мне чинит допрос:
Пристал пиявкой старый виносос!
Уж как, бывало, он глазами рыскал —
Как будто мнил прикончить василиска;
Уж как грозился он, бродя окрест,
Лишить тебя изюминки невест
И топлива любви — то бишь наследства;
Но мы скрываться находили средства.
Кажись, на что уж мать твоя хитра, —
На ладан дышит, не встает с одра;
А в гроб, однако, все никак не ляжет:
Днем спит она, а по ночам на страже,
Следит твой каждый выход и приход;
Украдкой щупает тебе живот
И, за руку беря, колечко ищет;
Заводит разговор о пряной пище,
Чтоб вызвать бледность или тошноту —
Улику женщин, иль начистоту
Толкует о грехах и шашнях юных,
Чтоб подыграть тебе на этих струнах
И как бы невзначай в капкан поймать;
Но ты сумела одурачить мать.
Твои братишки, дерзкие проныры,
Сующие носы в любые дыры,
Ни разу, на коленях у отца,
Не выдали нас ради леденца.
Привратник ваш, крикун медноголосый,
Подобие Родосского Колосса,
Всегда безбожной одержим божбой,
Болван под восемь футов вышиной,

Который ужаснет и Ад кромешный
(Куда он скоро попадет, конечно) —
И этот лютый Цербер наших встреч
Не мог ни отвратить, ни подстеречь.
Увы, на свете уж давно привычно,
Что злейший враг нам — друг наш закадычный.
Тот аромат, что я с собой принес,
С порога возопил папаше в нос.
Бедняга задрожал, как деспот дряхлый,
Почуявший, что порохом запахло.
Будь запах гнусен, он бы думать мог,
Что то — родная вонь зубов или ног;
Как мы, привыкши к свиньям и баранам,
Единорога почитаем странным, —
Так, благовонным духом поражен,
Тотчас чужого заподозрил он!
Мой славный плащ не прошумел ни разу,
Каблук был нем по моему приказу;
Лишь вы, духи, предатели мои,
Кого я так приблизил из любви,
Вы, притворившись верными вначале,
С доносом на меня во тьму помчали.
О выброски презренные земли,
Порока покровители, вдали!
Не вы ли, сводни, маните влюбленных
В объятья потаскушек зараженных?
Не из-за вас ли прилипает к нам —
Мужчинам — бабьего жеманства срам?
Недаром во дворцах вам честь такая,
Где правят ложь и суета мирская.
Недаром встарь, безбожникам на страх,
Подобья ваши жгли на алтарях.
Коль врозь воняют составные части,
То благо ли в сей благовонной масти?
Не благо, ибо тает аромат,
А истинному благу чужд распад.

Все эти мази я отдам без блажи,
Чтоб тестя умастить в гробу... Когда же?!

ПОРТРЕТ

Возьми на память мой портрет; а твой —
В груди, как сердце, навсегда со мной.
Дарю лишь тень, но снизойди к даренью:
Ведь я умру — и тень сольется с тенью.
...Когда вернусь, от солнца черным став
И веслами ладони ободрав,
Заволосатев грудью и щеками,
Обветренный, обвеянный штормами,
Мешок костей, — скуластый и худой,
Весь в пятнах копоты пороховой,
И упрекнут тебя, что ты любила
Бродягу грубого (ведь это было!) —
Мой прежний облик воскресит портрет,
И ты поймешь: сравненье не во вред
Тому, кто сердцем не переменялся
И обожать тебя не разучился.
Пока он был за красоту любим,
Любовь питалась молоком грудным;
Но в зрелых летах ей уже некстати
Питаться тем, что годно для дитяти.

ОТРЕЧЕНИЕ

Дозволь служить тебе — но не задаром,
Как те, что чахнут, насыщаясь паром
Надежд — иль нищенствуют от щедрот
Ласкающих посулами господ.
Не так меня в любовный чин приемли,
Как вносят в королевский титул земли
Для вящей славы, — жалок мертвый звук!
Я предлагаю род таких услуг,
Которых плата в них самих сокрыта.
Что мне без прав — названье фаворита?
Пока я прозябал, еще не знав
Сих мук Чистилища, — не испытыв
Ни ласк твоих, ни клятв с их едкой лжой,
Я мнил: ты сердцем воск и сталь душою.
Вот так цветы, несомые волной,
Притягивает крутень водяной
И, в глубину засасывая, топит;
Так мотылька бездумного торопит
Свеча, дабы спалить в своем огне;
И так предавшиеся Сатане
Бывают им же преданы жестоко!
Когда я вижу Реку, от истока
Струящуюся в блеске золотом
Столь неразлучно с Руслom, а потом
Почавшую бурлить и волноваться,
От берега к берегу яростно кидаться,
Вздуваясь от гордыни, если вдруг
Над ней склониться некий толстый Сук,
Чтоб, и сама себя вконец измуча
И шаткую береговую кручу
Язвящими лобзаньями размыв,
Неудержимо ринуться в прорыв —
С бесстыжим ревом, с пылом сумасбродным,
Оставив Русло прежнее безводным,

Я мысль, горечь в сердце затая:
Она — сия Река, а Русло — я.
Прочь, горе! Ты бесплодно и недужно;
Отчаянью предавшись, безоружна
Любовь перед лицом своих обид:
Боль тупит, — но презрение острит.
Вгляжусь в тебя острее и обнаружу
Смерть на щеках, во взорах тьму и стужу,
Лишь тени милосердья не найду;
И от любви твоей я отпаду,
Как от погрязшего в неправде Рима.
И буду тем силен неуязвимо:
Коль первым я проклятья изреку,
Что́ отлученье мне — еретику!

ЛЮБОВНАЯ НАУКА

Дуреха! сколько я убил трудов,
Пока не научил, в конце концов,
Тебя — премудростям любви. Сначала
Ты ровно ничего не понимала
В таинственных намеках глаз и рук;
И не могла определить на звук,
Где дутый вздох, а где недуг серьезный;
Или узнать по виду влаги слезной,
Озноб иль жар поклонника томит;
И ты цветов не знала алфавит,
Который, душу изъясняя немо,
Способен стать любовною поэмой!
Как ты боялась очутиться вдруг
Наедине с мужчиной, без подруг,
Как робко ты загадывала мужа!
Припомни, как была ты неуклюжа,
Как то молчала целый час подряд,
То отвечала вовсе невпопад,
Дрожа и запинаясь то и дело.
Клянусь душой, ты создана всецело
Не им (он лишь участок захватил
И крепкою стеной огородил),
А мной, кто, почву нежную взрыхляя,
На пустоши возделал рощи рая.
Твой вкус, твой блеск — во всем мои труды;
Кому же, как не мне, вкусить плоды?
Ужель я создал кубок драгоценный,
Чтоб из баклаги пить обыкновенной?
Так долго воск трудился размягчать,
Чтобы чужая втиснулась печать?
Объездил жеребенка — для того ли,
Чтобы другой скакал на нем по воле?

СРАВНЕНИЕ

Как сонных роз нектар благоуханный,
Как пылкого оленя мускус пряный,
Как россыпь сладких утренних дождей,
Пьянят росинки пота меж грудей
Моей любимой, а на дивной вые
Они блестят, как жемчуга живые.
А гнусный пот любовницы твоей —
Как жирный гной нарвавших волдырей,
Как пена грязная похлебки жидкой,
Какую, мучаясь голодной пыткой,
В Сансере, затворившись от врагов,
Варили из ремней и сапогов,
Как из поддельной мутной яшмы четки
Или как оспы рябь на подбородке.

Головка у моей кругла, как свод
Небесный или тот прелестный плод,
Что был Парису дан, иль тот, запретный,
Каким прельстил нас бес ветхозаветный.
А у твоей — как грубая плита
С зарубками для носа, глаз и рта,
Как тусклый блин луны порой осенней,
Когда ее мрачат земные тени.

Грудь милой — урна жребиев благих,
Фиал для благовоний дорогих,
А ты ласкаешь ларь гнилой и пыльный,
Просевший холм, в котором — смрад могильный.

Моей любимой нежные персты —
Как жимолости снежные цветы,
Твоей же — куцы, толсты и неловки,
Как два пучка растрепанной морковки,
А кожа, в длинных трещинах морщин,
Красней исхлестанных кнутами спин
Шлюх площадных — иль выставки кровавой
Обрубков тел над городской заставой.

Как печь алхимика, в которой скрыт
Огонь, что втайне золото родит, —
Жар сокровенный, пыл неугасимый
Таит любимейшая часть любимой.
Твоя же — отстрелявшей пушки зев,
Изложница, где гаснет, охладев,
Жар чугуна, — иль обгоревшей Этны
Глухой провал, угрюмо безответный.
Ее лобзать — не то же ли для губ,
Что для червей — сосать смердящий труп?
Не то же ль к ней рукою прикоснуться,
Что, цвет срывая, со змеей столкнуться?
А прочее — не так же ль тяжело,
Как черствый клин пахать, камням назло?
А мы — как голубки воркуют вместе,
Как жрец обряд свершает честь по чести,
Как врач на рану возлагает длань, —
Так мы друг другу ласки платим дань.
Брось бестию — и брошу я сравненья,
И та, и те хромают, без сомненья.

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ

Моей любимой образ несравнимый,
Что оттиском медальным в сердце вбит,
Мне цену придает в глазах любимой:
Так на монете цезарь лицезрит
Свои черты. Я говорю: исчезни
И сердце заведи мое с собой;
Терпеть невмочь мучительной болезни;
Блеск слишком ярк: слепнет разум мой.

Исчезла ты, и боль исчезла сразу,
Одна мечта в душе моей царит;
Все, в чем ты отказала, без отказа
Даст мне она: мечте неведом стыд.
Я наслажусь, и бред мой будет явью:
Ведь даже наяву блаженство — бред;
Зато от скорби я себя избавлю,
Во сне лишь скорби вездесущей нет.

Когда ж от низменного наслажденья
Очнусь я, без раскаянья в душе,
Сложу стихи о щедром наважденье —
Счастливей тех, что я сложил уже.
Но сердце вновь со мной — и прежним игом
Томится, озирая сон земной;
Ты здесь, но ты уходишь с каждым мигом;
Коптит огарок жизни предо мной.

Пусть этой болью истерзаю ум я:
Расстаться с сердцем — худшее безумье.

БРАСЛЕТ

По случаю потери цепочки,
принадлежащей даме,
и возмещения ей убытка

Не оттого, что он, как локон твой
Сиял (не краше ли блестит живой?),
Не оттого, что он твое запястье
Ласкал (за что ему такое счастье?),
Не оттого, что где-то я прочел:
Мол, цепь есть преданной любви символ, —
Скорблю, что твой браслет я столь некстати
Утратил, — но при мысли о расплате.

Ужель двенадцать ангелов благих,
Ничем дурным от сотворенья их
Не тронутые — ни пятном, ни скверной,
Ни олова закваской лицемерной,
Друзья, ниспосланные мне, дабы
Хранить меня от нищенской судьбы,
В унынье утешать, в нужде доволить,
От недругов спасать, беречь и холить,
Ужель они теперь обречены
Твоим судом жестоким, без вины,
Низвергнутыми быть в огонь кипящий
За грех, мне одному принадлежащий?
Но вряд ли утешенье я найду,
Когда цепями их скупают в аду.

Будь это пригоршня экую — туда им
Дорога! — ибо сей товар снедаем
Французской хворью: немощен и худ,
Помят и бледен, краше в гроб кладут.
К тому же (что за умысел злодейский!)
Обрезаны они по-иудейски.

Будь это горсть испанских золотых,
Бродяг отъявленных, проныр лихих,
Без промаха стреляющих пистолей,
Заряженных папистов злою волей,
Печатей тайных, коим власть дана,
Как пентаграмме в книге колдуна,
Разъединять и смешивать стихии,
Презрев законы божьи и людские,
Монет, что словно реки — материк,
Пронизывают мир, — от чьих интриг
Французская земля опустошилась,
Шотландия не в меру возгордилась
И Бельгия истерзана лежит, —
Жалеть их было б, точно, срам и стыд!
Будь это золото, коим обольщенный,
Пытается Алхимик прокопченный
Извлечь первичный дух из мертвых тел
И минералов, — я бы пожалел
Плевка, чтоб остудить тот пламень лютый,
В котором варятся такие плуты.
Но ангелов невинных бросить в печь?
Моих бойцов, банкиров, слуг — обречь
На муки? Чтобы гибель их лишила
Меня еды, а следственно и пыла
Любовного? Не дай им так пропасть!
Ведь и твоей любви ушла бы часть.

Пусть лучше с крепкой глоткою глашатай,
Грошовой удовольствовавшись платой,
На перекрестках примется вопить,
Стремясь в нашедшем совесть разбудить.
Отправь меня к какому-нибудь магу,
Который, исчертив кругом бумагу
И небо разделив на сто Домов,
Вместил в них столько шлюх, проныр, воров,
Что для себя там не оставил места, —
Хоть сам он слеппен из того же теста.

Когда ж с вершины мудрости своей
Он провещает, что потери сей
Не возратить, яви пример смиренья,
Зане его есть голос Провиденья.

Ты говоришь: мол, и цепочкой став,
Не переменит злато свой состав.
О да, и падшим ангелам осталась
Их мудрость, — но на что она им сталась?
Те, что в нужде служили мне поднесь,
Пойдут твою отныне тешить спесь:
Ведь форма дарит бытие. Ужели
Не пожалеешь ты, на самом деле,
Сих Ангелов, чей блеск давно затмил
Достоинства Властей, Господств и Сил?

Но нет! ты непреклонна. Подчиняюсь.
Как мать жертвует, в беде отчаясь,
Дитем, чтоб утолить алчбу свою,
Сих мучеников предаю огню.
О вестники судьбы благовестящей,
Частицы силы, все вокруг живящей!
Зачем вас Рок тому не подарил,
Кто только б вас любил, боготворил,
Ходил в отрепьях, глад и хлад изведаль,
Кто умер бы скорей — но вас не предал?
Да научусь я, грешный, в скорби сей
Беречь последних горсточку друзей!

Но ты, просвоивший добро чужое,
Тебя я ненавижу всей душою!
Страшись: я на тебя кладу клеймо
Тяжелым, словно золото само,
Проклятием! В цепях влачись до смерти;
Пусть в ад за цепь тебя утащат черти;
Пусть жажда золота тебя толкнет
К измене, а потом — на эшафот;
Пусть от свечи, пропитанной отравой,
Покроешься испариной кровавой;

Или за фразу в найденном письме
Подвергнут будешь пытке и тюрьме;
Пусть хворь гнилая, нажитая блудом,
Измучает тебя бессильным зудом.
Пускай вся скорбь, все дьявольское зло,
Что золото на свет произвело —
Долги, подагра, старость, разоренье,
Любовь, женитьба, кораблекрушение —
Тебя постигнут, и в последний час
Узришь всю мерзость, в коей ты погряз.
Беги от этой участи плачевной!
Вернув браслет, вернешь покой душевный.
Но ежели недуг твой излечим
Лишь золотом, — так подавись же им!

НА ЖЕЛАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ
СОПРОВОЖДАТЬ ЕГО,
ПЕРЕОДЕВШИСЬ ПАЖОМ

Свиданьем нашим — первым, роковым —
И нежной смутой, порожденной им,
И голодом надежд, и состраданьем,
В тебе зачатом жарким излианьем
Моей тоски — и тысячами ков,
Грозивших нам всечасно от врагов
Завистливых — и ненавистью ярой
Твоей родни — и разлученья карой —
Молю и заклинаю: отрекись
От слов заветных, коими клялись
В любви нерасторжимой; друг прекрасный,
О, не ступай на этот путь опасный!
Остынь, смиришь мятежною душой,
Будь, как была, моею госпожой,
А не слугой поддельным; издалече
Питай мой дух надеждой скорой встречи.
А если прежде ты покинешь свет,
Мой дух умчится за твоим вослед,
Где б ни скитался я, без промедленья!
Твоя краса не укротит волненья
Морей или Борея дикий пыл;
Припомни, как жестоко погубил
Он Орифею, состраданью чуждый.
Безумье — искушать судьбу без нужды.
Утешься обольщением благим,
Что любящих союз неразделим.
Не представляйся мальчиком; не надо
Менять ни тела, ни души уклада.
Как ни рядись юнцом, не скроешь ты
Стыдливой краски женской красоты.
Шут и в атласе шут, луна луною
Пребудет и за дымной пеленою.

Учти, французы — этот хитрый сброд,
Разносчики хвороб дурных и мод,
Коварнейшие в мире селадоны,
Комедианты и хамелеоны —
Тебя узнают и познают вмиг.
В Италии какой-нибудь блудник,
Не углядев подвоха в юном паже,
Подступится к тебе в бесстыжем раже,
Как содомиты к лотовым гостям,
Иль пьяный немец, краснорожий хам,
Прицепится... Не клянчь судьбы бездомной!
Лишь Англия — достойный зал приемный,
Где верным душам подобает ждать,
Когда Монарх изволит их призвать.
Останься здесь! И не тумань обидой
Воспоминанье — и любви не выдай
Ни вздохом, ни хулой, ни похвалой
Уехавшему. Горе в сердце скрой.
Не напугай спросонья няню криком:
«О, няня! мне приснилось: бледен ликом,
Лежал он в поле, ранами покрыт,
В крови, в пыли! Ах, милый мой убит!»
Верь, я вернусь, — коль Рок меня не сыщет
И за любовь твою сполна не взыщет.

ПУТЬ ЛЮБВИ

Влюбленный, если он к венцу любви
Не устремляет помыслы свои,
Схож с моряком, доверившимся бездне
Лишь ради приступа морской болезни.
Любовь свою, как медвежонка мать,
Мы не должны без удержу лизать,
Его мы этим только изуедем,
Слепивши зверя с ликом человеческим.
В единстве совершенство нам дано:
Люби одну, и в ней люби — одно.
То, что мы ценим в золотом дукате,
Не ковкость, не наружный блеск и, кстати,
Не целокупность и не чистота,
Не звон приятный и не красота,
А только то, что злато в наше время —
Душа торговли, признанная всеми.
И в женщинах нам следует отнюдь
Ценить не свойства внешние, а суть.
Любить иначе было б оскорбленьем
Любви — иль сущим недоразуменьем.
Чтить добродетель? Нет, благодарим!
Мужчина — не бесполой херувим
И не бесплотный дух. Всяк мне свидетель:
Мы любим в женщине не добродетель,
Не красоту, не деньги. Путать с ней
Ее достоинства, по мне, гнусней,
Чем путаться тайком с ее же дворней.
Амура не ищите в выси горней.
Подземный бог, с Плутоном наравне
В золотоносной, жаркой глубине
Царит он. Оттого ему мужчины
Приносят жертвы в ямки и ложбины.
Небесные тела земных светлей,
Но пахарю земля всего милей.

Как ни отрадны речи и манеры,
Но в женщинах важней другие сферы.
Суть женская не меньше, чем душа,
Годна любви, вольна и хороша.
Но слишком долго в дебрях проплутает,
Кто верхний путь к сей цели избирает.
В лесу ее кудрей полно препон:
В капканах и силках застрянет он.
Ее чело, как море штилевое,
В недвижимом истомит его покое —
Иль вдруг нахмурясь, за волной волну
Погонит, чтоб пустить его ко дну.
Нос, устремленный вниз, к полдненным странам,
Деля, как нулевым меридианом,
Два полушарья щек, приводит нас
Вернее, чем звезда или компас,
К Блаженным островам — но не Канарам,
Где вас поддельным опоят нектаром,
А к сладостным устам, куда доплыв,
Любой моряк сочтет, что он счастлив
Навеки! Там сирены распевают,
Премудрые оракулы вещают
Благие тайны, там — жемчужный грот,
Где Прилипала страстная живет.
Оттуда, миновав мыс Подбородка
И Геллеспонт пройдя довольно ходко
Меж Секстом и Абидосом грудей
(Пролив, небезопасный для ладей!),
Мы выйдем на простор безбрежной влаги,
Где родинок лежат архипелаги,
И к Индии стремясь прямым путем,
Атлантики пупок пересечем.
Здесь мощное подхватит нас течение;
Но тем не завершатся приключенья:
Ведь на пути в желанный край чудес
Нас ждет другой, препятствий полный лес.

Измаясь там, возропщете невольню,
Что выбрали такой маршрут окольный.
Нет, нижний путь (послушайте меня)
Короче; да послужит вам ступня
Надежной картой к странам вожделенным:
Она мила, но не грозит вам пленом;
Она чужда притворству: говорят,
Что даже черт не может спрятать пят;
Она не ведает личин жеманства;
Она эмблемой служит постоянства.
В наш век и поцелуя ритуал,
Начавши с уст, довольствоваться стал
Властительным коленом иль рукою;
А ныне папской тешится ступнею.
Когда и князи начинают с ног,
То и влюбленным это не в упрек.
Как птиц, летящих в воздухе, быстрее
Полет свободных сфер сквозь эмпирей,
Так этот путь, эфирный и пустой,
Лишен помех, чинимых красотой.
Природа женщин одарила дивно,
Дав две мошны, лежащих супротивно.
Кто, дань для нижней накопив казны,
С превратной к ней заходит стороны,
Не меньшую ошибку совершает,
Чем тот, кто клистером себя питает.

НА РАЗДЕВАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Скорей сударыня! я весь дрожу,
Как роженица, в муках я лежу;
Нет хуже испытанья для солдата —
Стоять без боя против супостата.
Прочь — поясок! небесный Обруч он,
В который мир прекрасный заключен.
Сними нагрудник, звездами расшитый,
Что был от наглых глаз тебе защитой;
Шнуровку распусти! уже для нас
Куранты пробили заветный час.
Долой корсет! он — как ревнивец старый,
Бессонно бдящий за влюбленной парой.
Твои одежды, обнажая стан,
Скользят, как тени с утренних полян.
Сними с чела сей венчик золоченый —
Украйся золотых волос короной,
Скинь башмачки — и босиком ступай
В святилище любви — альковный рай!
В таком сиянье млечном серафимы
На землю сходят, праведникам зримы;
Хотя и духи адские порой
Облечься могут лживой белизной, —
Но верная примета не обманет:
От тех — волосы, от этих плоть восстанет.
Моим рукам-скитальцам дай патент
Обследовать весь этот континент;
Тебя я, как Америку, открою,
Смирю — и заселю одним собою.
О мой трофей, награда из наград,
Империя моя, бесценный клад!
Я волен лишь в плену твоих объятий.
И ты подвластна лишь моей печати.

Явись же в наготу моим очам:
Как душам — бремя тел, так и телам
Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство. Лишь невежды
Клюют на шелк, на брошь, на бахрому —
Язычники по духу своему!
Пусть молятся они на переплеты,
Не видящие дальше позолоты
Профаны! Только избранный проник
В суть женщин, этих сокровенных книг,
Ему доступна тайна. Не смущайся, —
Как повитухе, мне теперь предайся.
Прочь это девственное полотно! —
Ни к месту, ни ко времени оно.
Продрогнуть опасешься? Пустое!
Не нужно покрывал: укройся мною.

ЛЮБОВНАЯ ВОЙНА

Пока меж нами бой, — пускай воюют
Другие: нас их войны не волнуют.
Ты — вольный град; вольна ты пред любим
Открыть ворота, кто тобой любим.
К чему нам разбирать голландцев смуты?
Строптивя чернь или тираны люты —
Кто их поймет! Все тумачи тому,
Кто унимает брань в чужом дому.
Французы никогда нас не любили,
А тут и бога нашего забыли;
Лишь наши «ангелы» у них в чести:
Увы, нам этих падших не спасти!
Ирландию трясет, как в лихорадке:
То улучшенье, то опять припадки.
Придется, видно, ей кишки промыть
Да кровь пустить — поможет, может быть.
Что ждет нас в море? Радости Мидаса:
Златые сны — и впроголодь припаса;
Под жгучим солнцем в гибельных краях
До срока можно обратиться в прах.
Корабль — тюрьма, причем сия темница
В любой момент готова развалиться;
Иль монастырь, но торжествует в нем
Не кроткий мир, а дьявольский содом;
Короче, то возок для осужденных
Или больница для умалишенных:
Кто в Новом Свете приключений ждет,
Стремится в Новый, попадет на Тот.
Хочу я здесь, в тебе искать удачи —
Стрелять и влагой истекать горячей;
В твоих объятьях мне и смерть, и плен;
Мой выкуп — сердце, дай свое взамен!
Все бьются, чтобы миром насладиться;
Мы отдыхаем, чтобы вновь сразиться.

Там — варварство, тут — благородный бой;
Там верх берут враги, тут верх — за мной.
Там бьют и режут в схватках рукопашных,
А тут — ни пуль, ни шпаг, ни копий страшных.
Там лгут безбожно, тут немножко льстят,
Там убивают смертных — здесь плодят.
Для ратных дел бойцы мы никакие;
Но, может, наши отпрыски лихие
Сгодятся в строй. Не всем же воевать:
Кому-то надо и клинки ковать;
Есть мастера щитов, доспехов, ранцев...
Давай с тобою делать новобранцев!

ПЕСНИ И СОНЕТЫ

ПРОЩАНИЕ, ВОЗБРАНЯЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Как шепчет праведник: пора! —
Своей душе, прощаясь тихо,
Пока царит вокруг одра
Печальная неразбериха,

Вот так безропотно сейчас
Простимся в тишине — пора нам!
Кошунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы;
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Любовь подлунную томит
Разлука бременем несносным:
Ведь суть влеченья состоит
В том, что потребно чувствам косным.

А нашу страсть влеченьем звать
Нельзя, ведь чувства слишком грубы;
Нерасторжимость сознавать —
Вот цель, а не глаза и губы.

Связь наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Не рвется, сколь не истончится.

Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.

Кружась с моим круженьем в лад,
Склоняешься, как бы внимая,
Пока не повернет назад
К твоей прямой моя кривая.

Куда стезю не повернуть,
Лишь ты — надежная опора
Тому, кто, замыкая путь,
К истоку возвратится скоро.

С ДОБРЫМ УТРОМ

Да где же раньше были мы с тобой?

Сосали грудь? Качались в колыбели?

Или кормились кашкой луговой?

Или, как семь сонливцев, прохрапели

Все годы? Так! Мы спали до сих пор;

Меж призраков любви блуждал мой взор,

Ты снилась мне в любой из Евиных сестер.

Очнулись наши души лишь теперь,

Очнулись — и застыли в ожиданье;

Любовь на ключ замкнула нашу дверь,

Каморку превращая в мирозданье.

Кто хочет, пусть плывет на край земли

Миры златые открывать вдали —

А мы свои миры друг в друге обрели.

Два наших рассветающих лица —

Два полушарья карты безобманной:

Как жадно наши пылкие сердца

Влекутся в эти радостные страны!

Есть смеси, что на смерть обречены;

Но если наши две любви равны,

Ни убыль им вовек, ни гибель не страшны.

ПЕСНЯ

Трудно звездочку поймать,
Если скатится за гору;
Трудно черта подковать,
Обрюхатить мандрагору,
Научить медузу петь,
Залучить русалку в сеть,
И, старея,
Все труднее
О прошедшем не жалеть.

Если ты, мой друг, рожден
Чудесами обольщаться,
Можешь десять тысяч дён
Плыть, скакать, пешком скитаться;
Одрыхлеешь, станешь сед
И поймешь, объездив свет:
Много разных
Дев прекрасных,
Но меж ними верных нет.

Если встретишь, напиши —
Тотчас я пушусь по следу!
Или, впрочем, не спеши:
Никуда я не поеду.
Кто мне клятвой подтвердит,
Что, пока письмо летит
Да покуда
Я прибуду,
Это чудо устоит?

ЖЕНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Любя день целый одного меня,
Что ты назавтра скажешь, изменя?
Что мы уже не те — и нет закона
Придерживаться клятв чужих?
Иль, может быть, опротестуешь их,
Как вырванные силой Купидона?
Иль скажешь: разрешенье брачных уз —
Смерть, а подобье брака — наш союз —
Подобьем смерти может расторгаться,
Сном? Иль заявишь, дабы оправдаться,
Что для измен ты создана
Природой — и всецело ей верна?
Какого б ты не нагнала туману,
Как одержимый, спорить я не стану;
К чему мне нарываться на рога?
Ведь завтра я и сам пушусь в бега.

К ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Ты нам велишь вставать? Что за причина?

Ужель влюбленным

Жить по твоим резонам и законам?

Прочь, прочь отсюда, старый дурачина!

Ступай, детишкам проповедуй в школе,

Усаживай портного за работу,

Селян сутулых торопи на поле,

Напоминай придворным про охоту;

А у любви нет ни часов, ни дней —

И нет нужды замениваться ей!

Напрасно блеском хвалишься, светило!

Сомкнув ресницы,

Я бы тебя заставил вмиг затмиться, —

Когда бы это милой не затмило.

Зачем чудес искать тебе далеко,

Как нищему, бродяжить по вселенной?

Все пряности и жемчуга Востока —

Там или здесь? — ответь мне откровенно.

Где все цари, все короли земли?

В постели здесь — цари и короли!

Я ей — монарх, она мне — государство,

Нет ничего другого;

В сравненье с этим власть — пустое слово,

Богатство — прах, и почести — фиглярство.

Ты, Солнце, в долгих странствиях устало:

Так Возрадуйся, что зришь на этом ложе

Весь мир — тебе заботы меньше стало,

Согреешь нас — и мир согреешь тоже;

Забудь иные сферы и пути,

Для нас одних вращайся и свети!

КАНОНИЗАЦИЯ

Молчи, не смей чернить мою любовь!
А там — злорадствуй, коли есть о чем,
Грози подагрой и параличом,
О рухнувших надеждах пустословь;
 Богатства и чины приобретай,
 Жди милостей, ходы изобретай,
Трись при дворе, монарший взгляд лови
 Иль на монетах профиль созерцай;
 А нас оставь любви.

Увы! кому во зло моя любовь?
Или от вздохов тонут корабли?
Слезами затопило полземли?
Весна от горя не наступит вновь?
 От лихорадки, может быть, моей
 Чумные списки сделались длинней?
Бойцы не отшвырнут мечи свои,
 Лжецы не бросят кляузных затей
 Из-за моей любви.

С чем хочешь, нашу сравнивай любовь;
Скажи: она, как свечка, коротка,
И участь однодневки-мотылька
В пророчествах своих нам уготовь.
 Да, мы сгорим дотла — но не умрем,
 Как Феникс, мы восстанем над огнем!
Теперь одним нас именем зови, —
 Ведь стали мы единым существом
 Благодаря любви.

Без страха мы погибнем за любовь;
И если нашу повесть не сочтут
Достойной жития, — найдем приют
В сонетах, в стансах — и воскреснем вновь;
Любимая, мы будем жить всегда,
Истлеют мощи, пролетят года, —
Ты новых менестрелей вдохнови!
И нас *канонизируют* тогда
За преданность любви.

Молитесь нам! — и ты, кому любовь
Прибежище от зол мирских дала;
И ты, кому отрадою была,
А стала ядом, отравившим кровь;
Ты, перед кем открылся в первый раз
Огромный мир в зрачках любимых глаз —
Дворцы, Сады и Страны — призиви
В горячей, искренней молитве нас,
Как образец любви!

ТРОЙНОЙ ДУРАК

Я дважды дурнем был:
Когда влюбился и когда скулил
В стихах о страсти этой;
Но кто бы ум на глупость не сменил,
Надеждой подогретый?
Как опресняется вода морей,
Сквозь лабиринты проходя земные,
Так мнил я, боль души моей
Замрет, пройдя теснины стиховые:
Расчисленная скорбь не так сильна,
Закованная в рифмы, не страшна.

Увы! к моим стихам
Певец, для услажденья милых дам,
Мотив примыслил модный —
И волю дал неистовым скорбям,
Пропев их принародно.
И без того Любви приносит стих
Печальную дань; но песня умножает
Триумф губителей моих
И мой позор тем громче возглашает.
Так я, перемудрив, попал впросак:
Был дважды дурнем — стал тройной дурак.

ПЕСНЯ

О, не печалься, ангел мой,
Разлуку мне прости:
Я знаю, что любви такой
Мне в мире не найти.
Но наш не вечен дом,
И кто сие постиг,
Тот загодя привык
Быть легким на подъем.

Уйдет во тьму светило дня —
И вновь из тьмы взойдет:
Хоть так светло, как ты меня,
Никто его не ждет.
А я на голос твой
Примчусь еще скорей,
Пришпоренный своей
Любовью и тоской.

Продлить удачу хоть на час
Никто еще не смог:
Счастливые часы для нас —
Меж пальцами песок.
А всякую печаль
Лелеем и растим,
Как будто нам самим
Расстаться с нею жаль.

Твой каждый вздох и каждый стон —
Мне в сердце острый нож;
Душа из тела рвется вон,
Когда ты слезы льешь.
О, сжался надо мной!
Ведь ты, себя казня,
Терзаешь и меня:
Я жив одной тобой.

Мне вещим сердцем не сули
Несчастий никаких:
Судьба, подслушав их вдали,
Вдруг да исполнит их?
Представь: мы оба спим,
Разлука — сон и блажь;
Такой союз, как наш,
Вовек неразделим.

ЛИХОРАДКА

Не умирай! — иначе я
Всех женщин так возненавижу,
Что вкупе с ними и тебя
Презреньем яростным унижу.

Прошу тебя, не умирай:
С твоим последним содроганьем
Весь мир погибнет, так и знай,
Ведь ты была его дыханьем.

Останется от мира труп,
При коем все красы бывые —
Не боле, чем засохший струп,
А люди — черви гробовые.

Твердят, что землю Огнь спалит,
Но что за Огнь — поди распутай!
Схолосты, знайте: мир сгорит
В огне ее горячки лютой.

Но нет! не смеет боль терзать
Так долго — ту, что столькок чище;
Не может без конца пылать
Огонь — ему не хватит пищи.

Как в небе метеорный след,
Хворь минет вспышкой мгновенной,
Твои же красота и свет —
Небесный купол неизменный.

О мысль предерзкая — суметь
Хотя б на час, безмерно краткий,
Вот так тобою овладеть,
Как этот приступ лихорадки!

ОБЛАКО И АНГЕЛ

Тебя я знал и обожал
Еще до первого свиданья:
Так ангелов туманных очертанья
Сквозят порою в глубине зеркал;
Я чувствовал очарованье,
Свет видел, но лица не различал.
Тогда к Любви я обратился
С мольбой: яви незримое — и вот
Бесплотный образ воплотился,
И верю: в нем Любовь моя живет,
Твои глаза, улыбку, рот,
Все, что я зрю несмело, —
Любовь моя, как яркий плащ, надела,
Казалось, встретились душа и тело.

Балластом грузит мореход
Ладью, чтоб тверже курс держала;
Но я дарами красоты, пожалуй,
Перегрузил Любви непрочный бот:
Ведь даже груз реснички малой
Суденышко мое перевернет!
Любовь, как видно, не вместима
Ни в пустоту, ни в косные тела;
Но если могут серафима
Облечь воздушный облик и крыла,
То и моя б любовь могла
В твою навек вместиться, —
Хотя любви мужской и женской слиться
Трудней, чем Духу с Воздухом сродниться.

ГODOВЩИНА

Все короли со всей их славой,
И шут, и лорд, и воин бравый,
И даже Солнце, что ведет отсчет
Годам, — состарились на целый год
С тех пор, как мы друг друга полюбили,
Весь мир на шаг придвинулся к могиле;
Лишь нашей страсти сносу нет,
Она не знает дряхлости примет,
Ни завтра, ни вчера — ни дней, ни лет,
Слепящ, как в первый миг, ее бессмертный свет.

Любимая, не суждено нам,
Увы, быть вместе погребенным;
Я знаю: смерть в могильной тесноте
Насытит мглой глаза и уши те,
Что мы питали нежными словами,
И клятвами, и жгучими слезами;
Но наши души обретут,
Встав из гробниц своих, иной приют,
Иную жизнь — блаженнее, чем тут, —
Когда тела — во прах, ввысь души отойдут.

Да, там вкусим мы лучшей доли,
Но как и все — ничуть не боле;
Лишь здесь, друг в друге, мы цари! — властней
Всех на земле царей и королей;
Надежна эта власть и непреложна:
Друг другу преданных предать не можно,
Двойной венец весом стократ;
Ни бремя дней, ни ревность, ни разлад
Величья нашего да не смутят,
Чтоб трижды двадцать лет нам царствовать подряд!

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

Любовь, я мыслил прежде, неподвластна
Пременам естества;
А ныне вижу ясно:
Она растет и дышит, как трава.
Всю зиму клялся я, что невозможно
Любить сильнее — и, вижу, клялся ложно.
Но если этот эликсир, любовь,
 Врачующий страданием страданье,
 Не квинтэссенция — но сочетанье
Всех зелий, горячащих мозг и кровь,
И он пропитан солнца ярким светом —
Любовь не может быть таким предметом
Абстрактным, как внушает нам Поэт —
Тот, у которого, по всем приметам,
Другой подруги, кроме Музы, нет.

Любовь — то созерцанье, то желанье;
 Весна — ее Зенит,
 Исток ее сиянья:
Так Солнце Весперу лучи дарит,
Так сок струится к почкам животворней,
Когда очнутся под землею корни.
Растет любовь, и множатся мечты.
 Кругами расходясь от середины,
 Как сферы Птоломеевы, едины,
Поскольку центр у них единый — ты!
Как новые налоги объявляют
Для нужд войны, а после забывают
Их отменить, — так новая весна
К любви неотвратимо добавляет
То, что зима убавить не вольна.

СОН

Любовь моя, когда б не ты,
Я бы не вздумал просыпаться:
Легко ли отрываться
Для яви от ласкающей мечты?
Но твой приход — не пробужденье
От сна, а сбывшееся сновиденье;
Так неподдельна ты, что лишь представь
Твой образ — и его увидишь вьявь.
Приди ж в мои объятья, сделай милость,
И да свершиться все, что не доснилось.

Не шорохом, а блеском глаз
Я был разбужен, друг мой милый;
То — Ангел светлокрылый,
Подумал я, сиянью удивясь;
Но увидав, что ты читаешь
В моей душе и мысли проникаешь
(В чем ангелы не властны) и вольна
Сойти в мой сон, где ты царишь одна,
Уразумел я: это ты — со мною,
Безумец, кто вообразит иное!

Уверясь в близости твоей,
Опять томлюсь, ища ответа:
Уходишь? ты ли это?
Любовь слаба, коль нет отваги в ней;
Она чадит, изделие праха,
От примеси Стыда, Тщеславья, Страха.
Быть может (этой я надеждой жив),
Воспламенив мой жар и потушив,
Меня, как факел, держишь наготове?
Знай: я готов для смерти и любви.

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

Кто глубже мог, чем я, любовь копнуть,
Пусть в ней пытается сокровенну суть;
 А я не докопался
До жилы этой, как не углублялся
В Рудник Любви, — там клада нет отнюдь.
 Сие — одно мошенство;
Как химик ищет в тигле Совершенство,
 Но счастлив, невзначай сыскав
Какой-нибудь слабительный состав,
Так все мечтают вечное блаженство
Обрести в любви; но вместо пышных грез
Находят счастья — с воробьиный нос.

Ужели впрямь платить необходимо
Всей жизнью своей — за тень от дыма?
 За то, чем каждый шут
Сумеет насладиться в пять минут
Вслед за нехитрой брачной пантомимой?
 Влюбленный кавалер,
Что славит (ангелов беря в пример)
 Слиянье духа, а не плоти,
Должно быть, слышит, по своей охоте,
И в дудках свадебных — музы́ку сфер.
Нет, знавший женщин скажет без раздумий:
И лучшие из них — мертвее мумий.

БЛОХА

Взгляни и рассуди: вот блошка;
Куснула, крови выпила немножко,
Сперва — моей, потом — твоей;
И наша кровь перемешалась в ней.
Какое в этом прегрешенье?
Бесчестье разве иль кровосмешенье?
Пусть блошке гибель суждена —
Ей можно позавидовать: она
Успела радости вкусить сполна!

О погоди, в пылу жестоком
Не погуби три жизни ненароком:
Здесь, в блошке — я и ты сейчас,
В ней храм и ложе брачное для нас;
Наперекор всему на свете
Укрылись мы в живые стены эти.
Ты пленнице грозишь? Постой!
Убив ее, убьешь и нас с тобой:
Ты не замолишь этот грех тройной.

Упрямица! Из прекословья
Взяла и ноготь обагрила кровью.
И чем была грешна блоха —
Тем, что в ней капля твоего греха?
Казнила — и глядишь победно:
Кровопусканье, говоришь, не вредно.
Не вредно, да! Так в чем беда? —
В любви моей тем паче нет вреда:
Прильни ко мне без страха и стыда!

ВОРОЖБА НАД ПОРТРЕТОМ

Что вижу я! — в твоих глазах
Мой лик, объятый пламенем, сгорает;
А ниже, на щеке, в твоих слезах
Другой мой образ утопает.

Неужто цель твоя —
Сгубить портрет мой, о Ворожея,
Чтобы за ним вослед погиб и я?

Дай выпить влагу этих слез,
Чтоб страх зловещий душу не тревожил.
Вот так! Я горечь их с собой унес
И все портреты уничтожил.

Все, кроме одного:
Ты в сердце сберегла его,
Но это — чудо, а не колдовство.

ПРИМАНКА

О стань возлюбленной моей —
И поспешим с тобой скорей
На золотистый бережок —
Ловить удачу на крючок.

Под взорами твоих очей
До дна прогреется ручей,
И томный приплывет карась,
К тебе на удочку просясь.

Купаться вздумаешь, смотри:
Тебя облепят пескари,
Любой, кто разумеет горазд,
За миг с тобою жизнь отдаст.

А если застыдишься ты,
Что солнце смотрит с высоты,
Тогда затми светило дня —
Ты ярче солнца для меня.

Пускай другие рыбаки
Часами мерзнут у реки,
Ловушки ставят, ладят сеть,
Чтоб глупой рыбкой овладеть.

Пускай спускают мотыля,
Чтоб обморочить голавля,
Иль щуку, взбаламутив пруд,
Из-под коряги волокут.

Все это — суета сует,
Сильней тебя приманки нет.
Признаться, я и сам, увы! —
Нисколько не умней плотвы.

ПРИЗРАК

Когда убьешь меня своим презреньем,
Спеша с другим предаться наслажденьям,
О мнимая весталка! — трепещи:
Я к ложу твоему явлюсь в ночи
 Ужасным гробовым виденьем,
И вспыхнет, замигав, огонь свечи.
Напрасно станешь тормошить в испуге
Любовника; он, игрищами сыт,
От резвой отодвинется подруги
 И громко захрапит;
И задрожешь ты, брошенная всеми,
Испариной покрывшись ледяной,
 И призрак над тобой
Произнесет... Но нет, еще не время!
Погибшая невоскресима страсть, —
Так лучше мщением упиться всласть,
Чем устранив, от зла тебя заклясть.

ПИЩА АМУРА

Амур мой погрузнел, отъел бока,
Стал неуклюж, неповоротлив он;
И я, заметив то, решил слегка
 Ему урезать рацион,
Кормить его *умеренностью* впредь —
Неслыханная для Амура снедь!

По вздоху в день — вот вся его еда,
И то: глотай скорей и не блажи!
А если похищал он иногда
 Случайный вздох у госпожи,
Я прочь вышвыривал дрянной кусок:
Он черств и станет горла поперек.

Порой из глаз моих он вымогал
Слезу, — и солона была слеза;
Но пуще я его остерегал
 От лживых женских слез: глаза,
Привыкшие блуждать, а не смотреть,
Не могут плакать, разве что потеть.

Я письма с ним марал в единый дух,
А после — жег! Когда ж ее письму
Он радовался, пыжась как индюк, —
 Что пользы, я твердил ему,
За титулом, еще невесть каким,
Стоять наследником сороковым?

Когда же эту выучку прошел
И для потехи ловчей он созрел,
Как сокол, стал он голоден и зол:
 С перчатки пущен, быстр и смел,
Взлетает, мчит и с лету жертву бьет!
А мне теперь — ни горя, ни забот.

ПОГРЕБЕНИЕ

Когда меня придете обряжать, —
О, заклинаю властью
Загробною! — не троньте эту прядь,
Кольцом обвившую мое запястье:
Се тайный знак, что ей,
На небо отлетев, душа велела,
Наместнице моей,
От тления хранить мое земное тело.

Пучок волокон мозговых, висясь
По всем телесным членам,
Крепит и прочит между ними связь:
Не так ли этим волоскам бесценным
Могущество дано
Беречь меня и в роковой разлуке?
Иль это лишь звено
Оков, надетых мне, как смертнику, для муки?

Так или так, со мною эту прядь
Закройте глубже ныне,
Чтоб к идолопоклонству не склонять
Тем, что могли б найти сии святыни.
Смирение храня,
Не дерзко ли твой дар с душой равняю?
Ты не спасла меня,
За это часть тебя я погребаю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она мертва; а так как, умирая,
Все возвращается к первооснове,
 А мы основой друг для друга были
 И друг из друга состояли,
То атомы ее души и крови
Теперь в меня вошли, как часть родная,
 Моей душою стали, кровью стали
 И грозной тяжестью отяжелили.
И все, что мною изначально было
И что любовь едва не истощила:
Тоску и слезы, пыл и горечь страсти —
 Все эти составные части
Она своею смертью возместила.
Хватило б их на много горьких дней;
Но с новой пищей стал огонь сильнее.
 И вот, как тот правитель,
Богатых стран соседних покоритель,
Который, увеличив свой доход,
И больше тратит, и быстрее падет,
Так — если только вымолвить посмею —
Так эта смерть, умножив свой запас,
Меня и тратит во сто крат щедрее,
 И потому все ближе час,
Когда моя душа, из плена плоти
Освободясь, умчится вслед за ней:
Хоть выстрел позже, но заряд мощней,
И ядра поравняются в полете.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Остерегись любить меня теперь:
Опасен этот поворот, поверь;
 Участье позднее не возместит
Растраченные мною кровь и пыл,
 Мне эта радость будет выше сил,
Она не возрожденье — смерть сулит.
 Итак, чтобы любовью не сгубить,
Любя, остерегись меня любить.

Остерегись и ненависти злой,
Победу торжествуя надо мной:
 Мне ненависти этой не снести;
Свое завоевание храня,
 Ты не должна уничтожать меня,
Чтобы себе ущерб не нанести.
 Итак, коль ненавидим я тобой,
Остерегись и ненависти злой.

Но вместе — и люби, и ненавидь,
Так можно крайность крайностью смягчить;
 Люби — чтоб мне счастливым умереть,
И милосердно ненавидь любя,
 Чтоб счастья гнет я дольше мог терпеть;
Подмостками я стану для тебя.
 Чтоб мог я жить и мог тебе служить,
Любовь моя, люби и ненавидь.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Прерви сей горький поцелуй, прерви,
Пока душа из уст не излетела!
Простимся: без разлуки нет любви,
Дня светлого — без черного предела.
Не бойся сделать шаг, ступив на край;
Нет смерти проще, чем сказать «прощай!».

«Прощай» шепчу — и медлю, как убийца;
Но если все в душе твоей мертво,
Пусть слово гибельное возвратится
И умертвит злодея твоего.
Ответь же мне: «прощай!» Твоим ответом
Убит я дважды — в лоб и рикошетом.

ПОДСЧЕТ

С тех пор, как я вчера с тобой расстался,
Я первых двадцать лет еще питался
Воспоминаньями; лет пятьдесят
Мечтал, надеждой дерзостной объят,
Как мы с тобою снова будем вместе!
Сто лет я слезы лил, вздыхал лет двести,
И тыщу лет отчаянье копил —
И тыщу лет спустя тебя забыл.
Не спутай долголетье с этой мукой:
Я — дух бессмертный, я убит разлукой.

ЛЕКЦИЯ О ТЕНИ

Постой — и краткой лекции внемли,
Любовь моя, о Логике любви.

Вообрази: пока мы тут, гуляя,
С тобой беседовали, дорогая,
За нашею спиной

Ползли две тени, вроде привидений;
Но Полдень воссиял над головой —
Мы попираем эти тени.

Вот так, пока Любовь еще росла,
Она невольно за собой влекла
Оглядку, страх; а ныне — тень ушла.

То чувство не достигло Апогея,
Что кроется, чужих очей робея.

Но если вдруг Любовь с таких высот,
Не удержавшись, к западу сойдет,
От нас потянутся иные тени,
Склоняющие душу к перемене.

Те, прежние, других
Морочили, а эти, как туманом
Сгустившимся, нас облекут самих
Взаимной ложью и обманом.
Когда Любовь клонится на закат,
Все дальше тени от нее скользят —
И скоро, слишком скоро день затмят.

Любовь растет, пока в Зенит не станет,
А минет Полдень — сразу Ночь нагрянет.

ТВИКНАМСКИЙ САД

В тумане слез, печальми повитый,
Я в этот сад вхожу, как в сон забытый;
И вот — к моим ушам, к моим глазам
Стекается живительный бальзам,
Способный залечить любую рану;
 Но монстр ужасный, что во мне сидит,
 Паук любви, который все мертвит,
В желчь превращает даже божью манну;
Воистину здесь чудно как в Раю, —
Но я, предатель, в Рай привел змею.

Уж лучше б эти молодые кущи
Смял и развеял ураган ревущий!
Уж лучше б снег, нагрянув с высоты,
Оцепенил деревья и цветы,
Чтобы не смели мне в глаза смеяться!
 Куда теперь укроюсь от стыда?
 О Купидон, вели мне навсегда
Частицей сада этого остаться,
Чтоб мандрагорой горестной стонать
Или фонтаном у стены рыдать!

Пускай тогда к моим струям печальным
Придет влюбленный с пузырьком хрустальным
Он вкус узнает нефальшивых слез,
Чтобы подделку не принять всерьез
И вновь не обмануться так, как прежде;
 Увы! судить о чувствах наших дам
 По их коварным клятвам и слезам
Труднее, чем по тени об одежде.
Из них одна доподлинно верна, —
И тем верней меня уьет она!

ПРОЩАНИЕ С ЛЮБОВЬЮ

Любви еще не зная,
Я в ней искал неведомого рая,
Я так стремился к ней,
Как в смертный час безбожник окаянный
Стремится к благодати безымянной
Из бездны темноты своей:

Незнание

Лишь пуще разжигает в нас желанье,
Мы вождедем — и растет предмет,
Мы остываем — сводится на нет.

Так жаждущий гостинца
Ребенок, видя пряничного Принца,

Готов его украсть;

Но через день желание забыто,
И не внушает больше аппетита

Обгрызанная эта сладость;

Влюбленный,

Еще недавно пылко иступленный,
Добившись цели, скучен и не рад,
Какой-то меланхолией объят.

Зачем, как Лев и Львица,
Не можем мы играючи любиться?

Печаль для нас — намек,

Чтоб не был человек к утехам жаден,
Ведь каждая нам сокращает на день

Отмеренный судьбою срок;

А краткость

Блаженства и существования шаткость
Опять в нас подстрекают эту прыть —
Стремление в потомстве жизнь продлить.

О чем он умоляет,
Смешной чудак? О том, что умаляет
Его же самого, —
Как свечку, жжет, как воск на солнце, плавит,
Пока он обольщается и славит
Сомнительное божество.

Подальше
От сих соблазнов, их вреда и фальши!
Но Змея грешного (так он силен!)
Цитварным семенем не выгнать вон.

САТИРЫ

САТИРА I (Прогулка)

Ступай, бездельник: я тебя не звал!
В каморке этой узкой, как пенал,
Оставь меня средь книг в моем вертепе
Наук: да упокоюсь тут, как в склепе.
Вот там, на полке — важный Богослов;
А рядом — друг природы, Философ;
Политик, объясняющий мытарства
Мистического тела Государства;
Прилежный Летописец; а за ним —
Поэт, земель волшебных пилигрим.
Ужель я брошу их единым махом,
Чтоб за тобой бежать, за вертопрахом?
Нет, клятвенно мне обещаю сперва
(Когда не ветер — все твои слова),
Что ты не ускользнешь через минуту
К любому в лоск разряженному шуту, —
Будь капитан, что выкроил наряд
Из жалованья выбывших солдат,
Или придворный шеголь надушенный,
Кивком ответствующий на поклоны,
Или судья со свитой подлипал, —
Клянись, что ты не станешь за квартал,
Ослабившись, вилять и суетиться,
Стремясь понравиться и подольститься.
Зовешь меня — так не блуди душой;
А соблазнить и бросить — грех большой.

О пуританин в области манер,
Ты — идолопоклонник, суевер,
Когда по платью ближнего встречаешь,
И как старьевщик, сразу примечаешь

Цену сукна и кружев, дабы знать,
На сколько дюймов шляпу приподнять.
Ты первым делом выясняешь средства
Знакомца — и надежды на наследство,
Как будто замуж он тебя берет
И вдовья часть — предмет твоих забот.
Помилуй! ведь не ленты и не рюшки
Ты ценишь в пышнотелой потаскушке;
Зачем, любитель срамной наготы,
Нагую честность презираешь ты?
Нужны ли добродетели камзолы?
Мы в мир приходим и уходим голы.
Не скинув плоти плащ, душе никак
Блаженства не вкусить; Адам был наг
В раю; да и утратив рай невинный,
Довольствовался шкурою звериной.
Пусть грубый на плечах моих наряд —
Со мной Господь и Музы говорят.

Что ж! Если ты не глух к увещеваньям
И грех свой искупаешь покаяньем,
Прегромко в грудь себя бия притом,
Добро, я запер комнату, — идем!
Но прежде шлюха средь носящих пряжку
На шляпе, буфы и чулки в обтяжку
Признает настоящего отца
Нагулянного невзначай мальчика,
Скорей я вам скажу, какому франту
Дано увлечь йоркширскую инфанту,
Скорей, уставясь в небо, звездочет
Предскажет вам на следующий год,
Какие сверхъестественные моды
Измыслят лондонские сумасброды,
Чем сам сумеешь ты сказать, зачем,
Какая блажь, когда, куда и с кем
Тебя утащит, разлучив со мною.
Кому пенять? я сам тому виною.

Вот мы на улице. Мой дуралей
Спешит к стене протиснуться скорей,
Считая, видимо, за достижение
Свободу поменять на положенье.
И хоть трудней из-за моей спины
Приветствовать все встречные штаны,
Он издали кивает им и машет,
И дергается весь, и чуть не пляшет,
Как школьник у окна, когда друзья
Зовут на волю, а уйти нельзя.
Скрипач тем ниже зажимает струны,
Чем выше звук; так мой повеса юный:
Здравшим нос он отдает поклон,
С другими же заносчив, точно Слон
Иль Обезьяна — при упоминаньи
Враждебного нам короля Испании.
То вдруг подскочет он и в бок толкнет:
«Гляди, вон кавалер!» — «Который?» — «Тот!
Божественный танцор, ей-ей!» — «Так что же?
Ты с ним подпрыгивать обязан тоже?»
Он смолк, пристыженный. Но тут как раз
Заядлый табакур встречает нас,
Да с новостями... «Сжался, бога ради, —
Шепнул я, — нос мой молит о пощаде».
Увы, он не расслышал, ибо вдруг
Какой-то расфуфыренный индюк
Привлек его вниманье. Он метнулся
К нему стремглав, расшаркался, вернулся
И так запел: «Вот истинный знаток
Отделки; каждый вырез, бант, шнурок
И весь костюм его — неподражаем,
Не зря он при Дворе так уважаем». —
«Он был бы и в комедии хорош.
А перед кем теперь ты спину гнешь?» —
«О, этот за границей обретался,
В Италии манер он понабрался,

В самом Париже чуть не год пробыл!» —
«И что же он в Париже подцепил?» —
Осведомился я. Он не ответил,
Поскольку издали в окне приметил
Знакомую красотку. В тот же миг
Тут испарился он, а там возник.
Увы, у ней уже сидели гости;
Он вспыхнул, в драку сунулся со злости,
Был крепко бит и выброшен за дверь;
И вот — в постели мается теперь.

САТИРА II
(Адвокат-стяжатель)

Сэр, этот город весь мне ненавистен!
Но если есть главнейшая из истин,
То есть и зло, какое я бы счел
Главнейшим, превосходнейшим из зол.
Не стихоплетство, — хоть сия досада
Страшней испанских шпаг, чумы и глада,
Внезапней, чем зараза и любовь,
И не отвяжется, пока всю кровь
Не высосет, — но жертвы сей напасти
Бессильны, безоружны и отчасти
Достойны сожаленья, а никак
Не ненависти, аки лютый враг.
Один (как вор за миг до приговора
Спасает от петли соседа-вора
Подсказкой «виселичного псалма»)
Актеров кормит крохами ума,
Сам издыхая с голоду, — так дышит
Органчик дряхлый с куклами на крыше.
Другой на штурм сердец стихи ведет,
Не ведая, что век давно не тот,
Пращи и стрелы не пригодны боле,
Точнее попадают в цель пистолы!
Иной подачи ради в рифму льстит:
Он попрошайка жалкий, не пиит.
Иной кропает оттого, что модно;
Не хуже прочих? — значит, превосходно!
А тот, кто разума чужого плод
Переварив прескверно, выдает
Извергнутый им опус тошнотворный
За собственный товар? — он прав, бесспорно!
Пусть вор украл из блюда моего,
Но испражненья — целиком его.

Он мной прощен; как, впрочем, и другие,
Что превзошли божбою литургию,
Обжорством — немцев, ленью — обезьян,
Распутством — шлюх и пьянством — океан.
И те, для чьих пороков небывалых
В аду не хватит особливых залов,
Столь во грехах они изощрены, —
Пусть! в них самих есть кара их вины.
Но Коский — вот кто гнев мой возмущает!
Власть времени, что агнца превращает
В барана, а невинный прыщик — в знак
Той хвори, о которой знает всяк,
Студента превратила в адвоката;
И тот, кто рифмоплетом был когда-то,
Став крючкотвором, возгордился так,
Что даже волочиться стал, чудак,
По-адвокатски: «Я вношу прошение,
Сударыня». — «Да, Коский». — «В продолженье
Трех лет я был влюблен; потерян счет
Моим ходатайствам; но каждый год
Переносилось дело...» — «Ну, так что же?» —
«Пора де факто и де юре тоже
Законно подтвердить мои права
И возместить ущерб...» — Слова, слова,
Поток судейской тарабарской дичи,
Терзающие нежный слух девичий,
Как варварская брань иль ветра вой
Над монастырской сломленной стеной!
Я бы простил глупца и пустозвона,
Но тот, кто выбрал поприще закона,
Преследуя стяжательскую цель,
Тот храм Фемиды превратил в бордель.
Шурша бумагами, как юбкой шлюха,
Он зубы заговаривает глухо,
Темнит, — как вор, в темницу сев, темнит,
Что, мол, за поручительство сидит;

Просителя, что о своем хлопочет,
Как королевский фаворит, морочит
(Иль сам король); к барьеру напролом,
Как бык, он лезет — лгать перед судом.
Нет столько в королевской родословной
Ублюдков, ни в истории церковной —
Содомских пятен, сколько в нем живет
Лжи и пронырства; в них его доход.
Он оттягать себе намерен вскоре
Весь этот край от моря и до моря;
Наследников беспечных мотовство —
Источник адской радости его.
Как смотрит бережливая кухарка,
Чтоб не пропало даром и огарка,
Мечтая лет за тридцать, может быть,
На платье подвенечное скопить, —
По крохам собирает он именье,
Блюдя азарт картежный — и терпенье.
На свитках, что свободно обовьют
Полграфства (в наши дни за меньший труд
Отцами Церкви славятся иные),
Он лихо сочиняет закладные,
Бумаги не жалея; так сперва
Желал бы Лютер сократить слова
Святых молитв, когда, послушный инок,
По четкам он читал их без запинок,
Но отменив монашескую блажь,
Добавил Славу с Силой в Отче наш.
Когда же он продажу совершает,
То как бы по оплошке пропускает
Наследников, — так спорщик-богослов
В упор не замечает в тексте слов,
Чья суть, коль толковать ее нележно,
Его резонам противоположна.
Где рощи, одевавшие удел
Наследственный? — Мошенник их надел.

Где хлебосольство предков? Не годится
Усадьбам ни по-нищенски поститься,
Ни вакханальствовать: в большом доме
Большие гекатомбы — ни к чему;
Все — в меру. Но (увы!) мы ценим вроде
Дела благие, но они не в моде,
 Как бабушкин альков. Таков мой сказ:
 Его не подвести вам под Указ.

САТИРА III
(О религии)

Печаль и жалость мне мешают злиться,
Слезам презренье не дает излиться;
Равно бессильны тут и плач, и смех;
Ужели так укоренился грех?
Ужели не достойней и не краше
Религия, возлюбленная наша,
Чем добродетель, коей человек
Был предан в тот, непросвещенный век?
Ужель награда райская слабее
Велений древней чести? И вернее
Придут к блаженству те, что шли впотьмах?
И твой отец, найдя на небесах
Философов незрячих, но спасенных,
Как будто верой, чистой жизнью оных,
Узрит тебя, пред кем был ясный путь,
Среди погибших душ? — О, не забудь
Опасности подобного исхода:
Тот мужествен, в ком страх такого рода.

А ты, скажи, рискнешь ли новобранцем
Отправиться к бунтующим голландцам?
Иль в деревянных склепах кораблей
Отдаться в руки тысячи смертей?
Нырять в пучины, в пропасти земные?
Иль пылом сердца — огненной стихии —
Полярные пространства растопить?
И сможешь ли ты саламандрой быть,
Чтоб не бояться ни костров испанских,
Ни жара побережий африканских,
Где солнце — словно перегонный куб?
И на слетевшее случайно с губ
Обидное словцо — блеснет ли шпага
В твоих руках? О жалкая отвага!

Храбришься ты и лезешь на рога,
Не замечая главного врага;
Ты, вязываясь в драку бестолково,
Забыл свою присягу часового;
А хитрый Дьявол, мерзкий супостат
(Которого ты ублажаешь) рад
Тебе подсунуть, как трофей богатый,
Свой дряхлый мир, клонящийся к закату;
И ты, глупец, клюя на эту ложь,
К сей обветшалою шлюхе нежно льнешь;
Ты любишь плоть (в которой смерть таится)
За наслаждений жалкие крупички,
А сутью и отрад, и красоты —
Своей душой пренебрегаешь ты.

Найти старайся истинную веру.
Но где ее искать? Миррей, к примеру,
Стремится в Рим, где тыщу лет назад
Она жила, как люди говорят.
Он тряпки чтит ее, обивку кресла
Царицы, что давным-давно исчезла.
Кранц — этот мишурою не прельщен,
Он у себя в Женеве увлечен
Другой религией, тупой и мрачной,
Весьма заносчивой — весьма невзрачной:
Так средь распутников иной (точь-в-точь)
До грубых деревенских баб охоч.
Грэй — домосед; ему твердили с детства,
Что лучше нет готового наследства;
Внушали сводни наглые: она,
Что от рожденья с ним обручена,
Прекрасней всех. И нет пути иного,
Не женишься — заплатишь отступного,
Как новомодный их закон гласит.
Беспечный Фригий всем по горло сыт,
Не верит ничему: как тот гуляка,
Что много шлюх познав, страшится брака.

Любвеобильный Гракх — наоборот,
Он мыслит: сколь ни много женских мод,
Под платьями у них различий нету;
Так и религии. Избытком света
Бедняга ослеплен. Но ты, учти,
Одну обязан истину найти.

Да где и как? не сбиться бы со следа!
Сын у отца спроси, отец у деда;
Почти близняшки — истина и ложь,
Но истина постарше будет все ж.

Не уставай искать и сомневаться:
Отвергнуть идолов иль поклоняться?
На перекрестке верный путь пытаться —
Не значит в неизвестности блуждать,
Брести стезею ложной — вот что скверно.
Пик Истины высок неимоверно;
Придется покружить по склону, чтоб
Достичь вершины, — нет дороги в лоб!
Спеша, доколе день, а тьма сгустится —
Тогда уж будет поздно торопиться.
Хотенья мало, надобен и труд:
Ведь знания на ветках не растут.
Слепит глаза загадок средоточье,
Хоть каждый их, как солнце, зрит воочью.

Коль истину обрел, на этом стой!
Бог не дал людям хартии такой,
Чтоб месть свою творили произвольно;
Быть палачами Рока — с них довольно.
О бедный дурень, этим ли земным
Законом будешь ты в конце судим?
Что ты изменишь в грозном приговоре,
Сказав: меня Филипп или Григорий,
Иль Мартин, или Гарри так учил? —
Ты участи себе не облегчил;
Так мог бы каждый грешник извиниться.
Нет, должно всякой власти знать границы,

Чтоб вместе с ней не перейти границ, —
Пред идолами простираясь ниц.
Власть — как река. Блаженны те растенья,
Что мирно прозябают близ течения.
Но если, оторвавшись от корней,
Они дерзнут помчаться вместе с ней,
Погибнут в бурных волнах, в грязной тине
И канут, наконец, в морской пучине.
 Так суждено в геенну душам пасть,
 Что выше Бога чтят земную власть.

САТИРА IV
(О суете придворной)

Отныне все мне нипочем; готов
Я к смерти; сколь ни страшен гнет грехов,
В таком чистилище я побывал сегодня —
В сравненье с ним бледнеет Преисподня!
Не то чтобы меня туда повлек
Тщеславья зуд иль гордости порок,
Не то чтоб я хотел покрасоваться
Иль милостей монарших домогаться.
Но как шутник, по дурости попал
На мессу, заплатил в сто марок штраф,
Так я, судьбой застигнутый на месте
Столпотворенья зла, обмана, лести
И похоти, какими славен Двор,
Сочтен был (о, поспешный приговор!)
Одним из тех, кто в сем гнезде разврата
Живут, — и не замедлила расплата.
Мучитель, что вблизи меня возник,
Был чуден видом и повадкой дик;
В Ковчеге зверя не было страннее,
Не сыщешь ни в Гвиане, ни в Гвинее
Такого монстра; как его назвать,
Адам бы затруднился угадать.
Его бы истребили, как варяга,
В пылу Резни норманской; он, бедняга,
Поплатится из первых головой,
Когда поднимется мастеровой
На чужаков. Он странен так, что страже
Не надобно и сомневаться даже,
Чтоб задержать его: «Эй, падре, стой!»
Его джеркин и черный и простой,
Быв бархатным когда-то, так истерся,
Что лишь воспоминания о ворсе

Хранит — и скоро будет кружевным,
Пока совсем не истончится в дым.
Хозяин сей хламиды за границей
Бывал и знаньем языков гордится:
По сути, он наскреб из всех углов
Смесь дикую из самых пестрых слов,
Окрошину речей, застрявших в ухе,
Такую кашу, что и с голодухи
Не расхлебать: знахарки трескотня,
Схолоста заушь, стряпчего стряпня
И бестолочь бедлама — звук невинный
Пред этой беспардонной мешаниной.
Таким вот языком ему с руки
Развязывать чужие языки,
Льстить, вдовушек дурить, ловить на слове
И лгать наглей, чем Сурий или Джовий.
Меня заметил он. О грозный Рок!
Чем я твой бич карающий навлек?
«Сэр, — начал он, — по зрелому суждению,
Кому б вы дали пальму предпочтенья
В лингвистике?» — Я сдуру говорю,
Мол, Калепайновскому словарю.
«Нет, сударь, — из людей?» В карман не лезу
Я за ответом; называю Безу,
Да пару наших лучших знатоков
Хвалю... «Все это — пара пустяков! —
Вскричал чудак. — Апостолы, конечно,
Знавали толк в наречьях, и успешно
Панург болтал на разных языках;
Но, проведя в скитаньях и трудах
Всю жизнь, я сделался непревзойденней!
«Как жаль, — заметил я, — что в Вавилоне
Такого не случилось толмача,
Не то (хватило б только кирпича)
Их Башня бы до облаков достала».
Он буркнул: «При дворе вас видно мало.

Уединение рождает сплин». —
«Но я не так уж одинок один.
К тому же, времена, когда спартанец
От пьянства отвращался видом пьяниц,
Прошли; картинок Аретино ряд
Научит целомудрию навряд;
Дворцы владык — пороков ярких сцены —
Как школы добродетели, не ценны». —
«Сэр! — лопнувшей струною взвизгнул он. —
Беседовать о принцах — высший тон!»
Я отвечал: «Могильный есть смотритель
В Вестминстерском аббатстве; захотите ль —
Он вам расскажет все о королях,
Притом покажет, где хранится прах
Всех наших Эдвардов и наших Гарри;
Он бесподобно врет, когда в ударе». —
«Фу! сколь суров и груб английский вкус!
Возможно ли представить, чтоб француз
Такое слушал?» — «Вон он, в спину дышит:
Он служит у меня — так, значит, слышит». —
«Французы элегантней, наконец,
Они для нас в одежде образец». —
«И без одежды тоже!» — Он подвоха
Не различил; я понял: дело плохо;
С тупицами острить — мартышкин труд:
Чем больше чешешь, тем сильнее зуд.
Тут, к счастью, стряхнув с лица суровость,
Он подмигнул мне: «Вы слыхали новость?» —
И шепотом, слова роняя с губ
По капле, словно перегонный куб,
Отверз мне бездну пошлости, поведая
Такое, что десятку Холиншедов
Не снилось: в духе ли была с утра
Монархиня, и как она вчера
Взглянула на кого; кто с кем в амурах,
Кто о каких мечтает синекурах,

Кто отравил кого и кто, продав
Поместье, стал владельцем полных прав
На ввоз и вывоз всех еловых шишек
И битых плошек (скоро и мальчишек,
Играющих в битки и в расшиши,
Обложат пошлиной)... Так от души
Он потчует меня своей стряпнею —
Плююсь, кривлюсь и только что не вою,
Но нет пощады! Переходит он
К политике держав, к борьбе за трон
И все вываливает мне мгновенно —
От Гальских войн до взятия Амьена.
Ушам уже терпеть неволю,
Я чувствую отрыжку, тошноту,
Как женщина брюхатая, потею —
Вот-вот рожу! Тем часом прохиндею
Взбрело на ум (как хитрецу, чья ложь —
Приманка для крамолы) на вельмож
Обрушиться: чины, мол, продаются;
Кампании военные ведутся
Не так; важнейшие чины в стране
Даются только по родству, а не
Заслугам; офицеры в Хэмптон-Холле
С пиратами и дюнкерцами в доле.
Он знает все: кто мот, кто виносос,
Кто любит шлюх, кто отроков, кто коз...
Как пленники Цирцеи, превращеньем
Врасплох застигнутые, — с изумленьем
И ужасом себя я ощутил
Преступником! Уже меня когтил
Акт Об Измене!.. Как же это сразу?
Один другому передал заразу —
И вылечился? Вывернулся он —
А я виновен? Что за скверный сон!
Но делать нечего. Я должен пытки
Стерпеть; я должен безо всякой скидки

На месте оплатить, в конце концов,
Грехи свои и всех своих отцов;
Таков мой крест... Но пробил час желанный,
Вдруг зашепшил мой собеседник странный:
«Простите, сэр...» — «Да, да, прощайте, сэр!» —
«Нет, сэр! Вы не могли бы, например,
Мне крону одолжить?» — Не то что крону,
Я отдал бы охотно и корону,
Чтоб отвязаться. Но как тот скрипач,
Что должен напоследок вам, хоть плачь,
Урезать джигу прежде, чем убраться.
В любезностях он начал рассыпаться.
Едва я их дослушал — и стремглав
(Счастливо остановок избежав)
Пустился наутек — так из темницы
Спасенный узник на свободу мчится.

Лишь дома я с трудом пришел в себя;
О виденном и слышанном скорбя,
Душа томилась и негодовала.
Как тот, кто Ад узрел на дне провала,
Я был напуган. Впрочем, страх — черта
Холопская. Ужель мои уста,
Вспылав, удержатся от обличенья,
Из страха? Неужели из почтенья
К надутым и бесстыдным господам
Я Правду, госпожу свою, предам?
О ты, что столько по миру бродило,
Взглянув на жизнь Двора, скажи, светило,
Где во вселенной сыщешь таковой
Пузырь тщеславья? — Садик восковой,
Курьез, приплывший в Лондон этим летом, —
Насмешка над придворным нашим светом.
Мы — кучка безделушек дорогих,
Раскрашенных, но пресных и сухих:
Бездельников, гордящихся корнями, —
С ублюбочными, жалкими плодами.

Итак, одиннадцатый час; пора!
И вот уж все, кто занят был с утра
Конюшней, теннисом иль потаскушкой,
Примочками иль пивом — друг за дружкой
Спешат, переодевшись, во дворец,
И с ними я (прости меня, Творец!).
Поля их шляп оплачены полями
Их вотчин — и увиты похвалами:
«Ах, что за роскошь! королю под стать!»
Неважно, что назавтра их продать
Актерам отнесут; мир — это сцена,
А жизнь — комедия, и преотменно
Разыгранная... Новый эпизод:
В зал входят дамы. Как пиратский флот
На галеон, груженный кошенилью,
Бросается, — так, расфуфыря крылья,
Мужчины дам берут на абордаж.
Сраженье! лесть на лесть и блажь на блажь.
Ум в пурпур не рядится, как ни странно;
Вот вам резон: вся краска на румяна
Красавицам идет; чужой же ум
Скупает за бесценок тугодум.
Кого не рассмешит, по крайней мере,
Вид обчищающегося у двери
Макрина? В зал приемный, как в Мечеть,
Вступает он и, чтобы разглядеть,
Не морщат ли чулки, так задирает
Камзол, что этим самым обнажает
Не только смертные грехи прорех
И жирных пятен, но и мелкий грех
Приставших перьев. Погружаясь в грезы
Величия, он выверяет позы
По Дюреру и, совершенства круг
Явив собой, счастливый, как индюк
Иль проповедник новоиспеченный,
Что в первый раз читает речь с амвона,

Вступает с дамой в страстный разговор
И, встретя у жеманницы отпор,
Так пылко протестует, что в Мадриде
Дано бы уличен был в этом виде,
Как протестант, — и столько раз твердит:
«Клянусь Исусом!» — что, как иезуит,
Мог тотчас же быть выведен с конвоем!
Да пусть бранятся; поделом обоим.
Но Глорий — вот кто всех переплюет:
За высший шик считает сумасброд
Ворваться в зал, терзая острой шпорой
Полу плаща, как ловчий с целой сворой
Визгливых псов, сметая все подряд;
С ртом, перекошенным, как у солдат,
Бичующих Христа на гобеленах,
Что от его ругни дрожат на стенах;
Он, точно шут, паясничает всласть
И помыкает всеми, словно власть.

Устав, хочу я выбраться на волю —
Не так оно легко; в соседнем холле
Семь смертных сторожат меня Грехов;
Миную сонмище здоровяков,
Чья гордость — звание «людей короны»,
Пуды бифштекса и вина галлоны, —
Им сдвинуть колокольню по плечу.
Меж этих Аскапаров трепещу,
Как тать крадущийся. Отцы святые!
Потопом слов обрушьтеесь, о витии,
На сей рассадник зла! а я лишь мог
Подмыть его, как слабый ручеек.
Смирению Маккавеев подражая,
Свой труд я, может быть, и принижая;
И все ж надеюсь: буду я прочтен,
Как должно понят — и внесен в Канон.

ЭПИТАЛАМЫ

ЭПИТАЛАМА, СОЧИНЕННАЯ В ЛИНКОЛЬНЗ-ИННЕ

I

Восток лучами яркими зажжен,
Прерви, Невеста, свой тревожный сон —
 Уж радостное утро наступило —
И ложе одиночества оставь,
 Встречай не сон, а явь!
 Постель тоску наводит, как могила.
Сбрось простыню: ты дышишь горячо,
 И жилка нежная на шее бьется;
Но скоро это свежее плечо
 Другого, жаркого плеча коснется;
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

II

О дочери Лондона, вам заодно
Хвала! вы — наше золотое дно,
 Для женихов неистощимый кладезь!
Вы — сами ангелы, да и к тому ж
 За каждой может муж
 Взять «ангелов», к приданому приладясь:
Вам провожать подругу под венец,
 Цветы и брошки подбирать к убору;
Не пожалейте ж сил, чтоб наконец
 Невеста, блеском затмевая Флору,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

III

А вы, повесы, дерзкие юнцы,
Жемчужин этих редкостных ловцы,
И вы, придворных стайка попугаев!
Селяне, возлюбившие свой скот,
И шалый школьный сброд —
Вы, помесь мудрецов и шалопаев:
Глядите зорче все! Вот входит в храм
Жених, а вот и Дева, миловидно
Потупя взор, ступает по цветам;
Ах, не красней, как будто это стыдно!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

IV

Двустворчатые двери раствори,
О Храм прекрасный, чтобы там, внутри,
Мистически соединились оба;
И чтобы долго-долго вновь ждала
Их гробы и тела
Твоя всегда несытая утроба.
Свершилось! Сочетал святой их крест,
Прошедшее утратило значенье,
Поскольку лучшая из всех невест,
Достойная похвал и восхищенья,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

V

Ах, как прелестны зимние деньки!
Чем именно? А тем, что коротки
И быстро ночь приводят. Жди веселий
Иных, чем танцы, — и иных отрад,
Чем бойкий перегляд,
Иных забав любовных, чем доселе.
Вот смерклося, и первая звезда
Явилась бледной точкою в зените;
Упряжке Феба по своей орбите
И полпути не проскакать, когда
Уже ты в совершенство облечешься
И женщиной отныне наречешься.

VI

Уже гостям поря в обратный путь,
Пора и музыкантам отдохнуть,
Да и танцорам — сделать передышку;
Для всякой твари в мире есть пора,
С полночи до утра,
Поспать, чтоб не перетрудиться лишку.
Лишь новобрачным нынче не до сна,
Для них труды особые начнутся:
В постель ложится девушкой она —
Дай Бог ей в том же виде не проснуться!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VII

На ложе, как на алтаре Любви,
Лежишь ты нежной жертвой. О, сорви
Одежды эти, яркие тенеты!
Был ими день украшен, а не ты:
В одежде наготы,
Как истина, прекраснее всего ты!
Не бойся: эта брачная постель
Лишь для невинности могилой стала,
Для новой жизни это — колыбель,
В ней обретешь ты все, чего искала:
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VIII

Явленья ожидая жениха,
Она лежит, покорна и тиха,
Не в силах даже вымолвить словечка, —
Пока он не склонится, наконец,
Над нею, словно Жрец,
Готовый потрошить свою овечку.
Даруйте радость ей, о Небеса! —
И сон потом навейте благосклонно.
Желанные свершились чудеса:
Она, ничуть не претерпев урона,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной по праву нареклась.

ЭПИТАЛАМА, или СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ
В ЧЕСТЬ ПРИНЦЕССЫ ЭЛИЗАВЕТЫ И
ПФАЛЬЦГРАФА ФРИДРИХА,
СОЧЕТАВШИХСЯ БРАКОМ
В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

I

Хвала тебе, Епископ Валентин!
Сегодня правишь ты один
Своей епархией воздушной;
Жильцы небесные толпой послушной,
Скворча и щебеча,
Летят к тебе; ты заключаешь браки
И Ласточки, и строгого Грача,
И Воробья, лихого забияки.
Дрозд мчится как стрела,
Перегоняя Чайку и Щегла;
Петух идет встречать походкой чинной
Жену с ее пуховою периной.
Так рок этот день, о Валентин,
Что ты бы сам забыл печаль своих седин!

II

Досель в супруги возводить ты мог
Лишь Воробьев, Щеглов, Сорок;
Какое может быть сравненье! —
Сегодня, с твоего благословенья,
Свеча в ночи узрит,
Чего и Солнце полдня не видало,
Постель волнуемая вместит,
Чего и дно Ковчега не вмещало, —
Двух Фениксов, в избытке сил
Смешавших жизнь свою, и кровь, и пыл,
Чтоб новых Фениксов возникла стая,
Из их костра живого вылетая.
Да не погаснет ни на миг один
Сей пламень, что зажжен в твой день, о Валентин!

III

Проснись, Невеста, веки разомкни —
И Утро яркое затми
Очей сиянием лучистым!
Даславят птахи щебетом и свистом
Тебя и этот день!
У звезд ларцы небесные истребуй
И все Алмазы, Лалы, Перлы неба,
Как новое Созвездие, надень!
Пусть лучезарное явленье
Нам предвещает и твое паденье,
И новый, ослепительный Восход;
И сколько дней в грядущем не пройдет,
Да будет памятною годовщина
Сегодняшнего дня Святого Валентина!

IV

О Феникс женственный, ступай смелей
Навстречу Жениху — и слей
Огонь с огнем, чтоб в мощи дивной
Вознесся этот пламень неразрывный!
Ведь нет разлук для тех,
Кто лишь друг в друге заключен всецело,
Как для стихий, которым нет предела,
Нет и разъединяющих помех.
Скорей, скорей! Пусть пастырь скажет
Вам назиданье — и навеки свяжет
Узлом духовным руки и сердца;
Когда ж обряд свершится до конца,
Вам предстоит связаться воедино
Узлом любви, узлом Святого Валентина.

V

Зачем так Солнце замедляет ход
И ждет, как нищий у ворот,
Выклянчивая подаянье?

Чего ему — огня или сиянья?

Зачем неспешно так

Вы движитесь из храма с пышной свитой:

Иль ваше счастье — ублажать зевак,

Быть новостью покуда не избитой?

Как затянулся этот пир!

Обжоры с пальцев слизывают жир;

Шуты, видать, намерены кривляться,

Пока Петух им не велит убраться.

Увы, неужто для колбас и вин —

Был учрежден сей день, епископ Валентин?

VI

Вот, наконец, и ночь — благая ночь;

Теперь уж проволочки прочь!

Но как докучны Дамы эти! —

Подумать можно, что у них в предмете

Куранты разобрать,

А не раздеть Невесту. Драгоценный

Забыв наряд, она скользнет в кровать:

Вот так душа из оболочки брэнной

Возносится на небосклон;

Она — почти в Раю, но где же он?

Он здесь; за Сферой Сферу проницая,

Восходит он, как по ступеням Рая.

Что миновавший день? Он лишь зачин

Твоих ночных торжеств, Епископ Валентин!

VIII

Как Солнце, милостью дарит она,
А он сияет как Луна;
Иль он горит, она сияет —
В долгу никто остаться не желает;
Наоборот, должник
Такой монетой полновесной платит,
Не требуя отсрочки ни на миг,
Что богатеет тот, кто больше тратит.
Не зная в щедрости преград,
Они дают, берут... и каждый рад
В пылу самозабвенном состязанья
Угадывать и исполнять желанья.
Кто их нежней — Голубка иль Пингвин,
С кем можно их сравнить, Епископ Валентин?

VIII

Два чуда пламенных слились в одно:
Отныне, как и быть должно,
В единственном числе и роде
Прекрасный Феникс царствует в природе.
Но тише! пусть вкусят
Блаженный сон влюбленные, покуда
Мы будем, яркий проводив закат,
Жить предвкушеньем утреннего чуда
И шепотом держать пари,
Откуда ждать явления зари,
С чьей стороны к нам свет назавтра хлынет:
Кто первым из супругов отодвинет
Ревнивый полог — пышный балдахин?
Продлим же до утра твой день, о Валентин!

ПОСЛАНИЯ

КРИСТОФЕРУ БРУКУ

Шторм

Тебе — почти себе, зане с тобою
Мы сходственны (хоть я тебя не стою),
Шлю несколько набросков путевых;
Ты знаешь, Хильярда единый штрих
Дороже, чем саженные полотна, —
Не обдели хвалою доброхотной
И эти строки. Для того и друг,
Чтоб другом восхищаться сверх заслуг.

Британия, скорбя о блудном сыне,
Которого, быть может, на чужбине
Погибель ждет (кто знает наперед,
Куда Фортуна руль свой повернет?),
За вздохом вздох бессильный исторгала,
Пока наш флот томился у причала,
Как бедолага в яме долговой.
Но ожил бриз, и флаг над головой
Затрепетал под ветерком прохладным —
Таким желанным и таким отрадным,
Как окорока сочного кусок
Для слипшихся от голода кишок.
Подобно Сарре мы торжествовали,
Следя, как наши паруса вспухали.
Но как приятель, верный до поры,
Склонив на риск, выходит из игры,
Так этот ветерок убрался вскоре,
Оставив нас одних в открытом море.
И вот, как два могучих короля,
Владений меж собой не поделя,
Идут с огромным войском друг на друга,
Сошлись два ветра — с севера и с юга;

И волны вспучили морскую гладь
Быстрей, чем это можно описать.
Как выстрел, хлопнул под напором шквала
Наш грот; и то, что я считал сначала
Болтанкой скверной, стало в полчаса
Свирепым штормом, рвущим паруса.
О бедный, злополучный мой Иона!
Я проклиная их, — бесцеремонно
Нарушивших твой кроткий сон, когда
Хлестала в снасти черная вода!
Сон — лучшее спасение от бедствий:
И смерть, и воскрешенье в этом средстве.
Проснувшись, я узрел, что мир незрим,
День от полуночи неотличим,
Ни севера, ни юга нет в помине,
Кругом Потоп, и мы — в его пучине!
Свист, рев и грохот окружали нас,
Но в этом шуме только грома глас
Был внятен; ливень лил с такою силой,
Как будто дамбу в небесах размыло.
Иные, в койки повалясь ничком,
Судьбу молили только об одном:
Чтоб смерть скорей их муки прекратила;
Иль, как несчастный грешник из могилы
Трубою призванный на Божий суд,
Дрожа, высывались из кают.
Иные, точно обомлев от страха,
Следили тупо в ожиданье краха
За судном; и казалось впрямь оно
Смертельной немощью поражено:
Трясло в ознобе мачты, разливалась
По палубе и в трюме бултыхалась
Водянка мерзостная; такелаж
Стонал от напряженья; парус наш
Был ветром-вороном изодран в клочья,
Как труп повешенного прошлой ночью.

Возня с насосом измотала всех,
Весь день качаем, а каков успех?
Из моря в море льем, — а в этом деле
Сизиф рассудит, сколько преуспели.
Гул непрерывный уши заложил.
Да что нам слух, коль говорить нет сил?
Перед подобным штормом, без сомненья,
Ад — легкомысленное заведение,
Смерть — просто эля крепкого глоток,
А уж Бермуды — райский уголок.
Мрак заявляет право первородства
На мир — и закрепляет превосходство,
Свет в небеса изгнав. И с этих пор
Быть хаосом — вселенной приговор.
Покуда Бог не изречет другого,
Ни звезд, ни солнца не видать нам снова.
Прощай! От этой качки так мутит,
Что и к стихам теряешь аппетит.

Штиль

Улегся гнев стихий, и вот мы снова
В плену у Штиля — увальня тупого.
Мы думали, что Аист — наш тиран,
А вышло, хуже Аиста Чурбан!
Шторм отшумит и стихнет, обессила,
Но где, скажите, угомон для штиля?
Мы рвемся в путь, а наши корабли
Архипелагом к месту приросли;
И нет на море ни единой складки:
Как зеркальце девичье, волны гладки.
От зноя нестерпимого течет
Из просмоленных досок черный пот.
Где белых парусов великолепье?
На мачтах развеваются отрепья
И такелаж изодранный висит:
Так опустевшей сцены жалок вид —
Иль чердака, где свалены за дверью
Сегодня и вчера, труха и перья.
Земля все ветры держит взаперти,
И мы не можем ни друзей найти
Отставших, ни врагов на глади этой;
Болтаемся бессмысленной кометой
В безбрежной синеве; что за напасть!
Отсюда выход — только в рыбу пасть
Для прыгающих за борт ошалело;
Команда истомилась до предела.
Кто, в жертву сам себя предав жару,
На крышке люка, как на алтаре,
Простерся навзничь; кто, того похлеще,
Гуляет, аки отрок в жаркой печи,
По палубе. А если б кто рискнул,
Не убоясь прожорливых акул,
Купаньем освежиться в океане, —
Он оказался бы в горячей ванне.

Как Баязет, что скифом был пленен,
Иль наголо остриженный Самсон,
Бессильны мы — и далеки от цели!
Как муравьи, что в Риме змейку съели,
Так стая тихоходных черепах —
Галер, где стонут узники в цепях, —
Могла бы штурмом взять, подплыв на веслах,
Наш град плавучий мачт высокорослых.
Что бы меня ни подтолкнуло в путь —
Любовь — или надежда утонуть —
Прогнивший век — досада — пресыщенье —
Иль попросту мираж обогащенья,
Уже не важно. Будь ты здесь храбрец
Иль жалкий трус — тебе один конец;
Меж гончей и оленем нет различий,
Когда Судьба их сделает добычей.
Ну кто бы этого подвоха ждал?
Мечтать на море, чтобы дунул шквал,
Не то же ль самое, что домогаться
В аду жары, на полюсе — прохладцы?
Как человек, однако, измельчал!
Он был ничем в начале всех начал,
Но в нем дремали замыслы природны;
А мы — ничто и ни на что не годны.
В душе ни сил, ни чувств... Но что я лгу?
Бессилье же я чувствовать могу!

КОММЕНТАРИИ

ЛИШКОМ мало или слишком много — таковы Сцилла и Харибда, поджидающие всякого комментатора. Ежели объяснять, что такая-то — богиня плодородия, а такой-то — римский император, не выйдет ли это бестактно по отношению к просвещенному читателю?

Однако Джон Донн слишком сложный поэт, чтобы можно было обойтись вовсе без комментариев. Не только реалии, но и ход мыслей автора порой нуждается в толковании. Нижеследующее — действительно примечания переводчика, ибо объясняет главным образом то, что для него самого требовало какого-то прояснения в процессе перевода.

Подробности тут излишни. Обычно требуется лишь расколоть скорлупу, а уж вышелушить и разжевать орешек всяк любит сам.

*

Необходимо также дать основные текстологические сведения.

Все современные издания стихов Донна основываются, в основном, на первых посмертных изданиях 1633, 1635 и 1639 годов, а также на рукописях — к сожалению, не на авторских, а на тех рукописных списках, в которых эти стихи имели хождение при жизни автора.

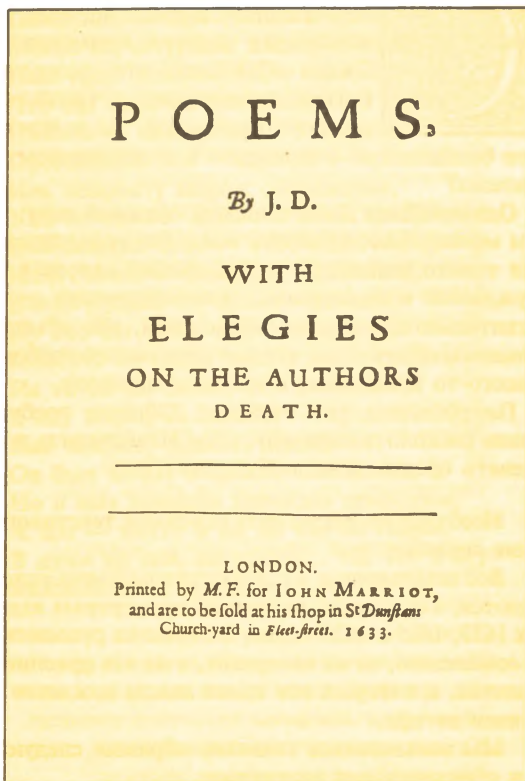
Мы пользовались главным образом следующими стандартными изданиями.

H. J. C. Grierson (ed.), *The Poems of John Donne*, Clarendon Press, 1912.

Helen Gardner (ed.), *John Donne: The Elegies and The Songs and Sonnets*, Clarendon Press, 1964.

W. Milgate (ed.), *John Donne: The Satires, Epigrams and Verse Letters*, Clarendon Press, 1967.

A. J. Smith (ed.), *John Donne: The Complete English Poems*, Penguin Books, 1971.

*Титульный лист
«Стихотворений Дж. Д.»
1633 года*

Поэтическое наследие Джона Донна обычно разделяют на такие части:

Песни и сонеты,
Элегии,
Эпиталамы,
Сатиры,
Эпиграммы,
Путь души, или *Metempsychosis* (поэма)
Послания,
Погребальные элегии,
т.н. Годовщины (две философские поэмы) и
Духовные стихотворения.

В этой книге представлен главным образом молодой Донн, автор элегий и сатир, написанных в 90-е годы XVI века, а также «песен и сонетов», из которых часть относится к тому же времени, а часть — предположительно — к периоду после 1601 года. (Заметим, что в судьбе Донна это был не просто первый год нового века, но также и год его женитьбы, за которой последовала опала и вынужденный отъезд из Лондона.) Из трех эпиталам представлены две: одна ранняя, а другая поздняя, написанная по придворному заказу. Оба послания — ранние, 1597 года.

Таким образом, за рамками книги почти полностью остается поздний Донн, автор религиозно-философских поэм, гимнов, посланий и сонетов. Причина ясна: я просто-напросто выбирал те стихи, к переводу которых чувствовал себя более подготовленным.

ЭЛЕГИИ

Исследователи полагают, что элегии написаны в период между 1593 и 1596 годами, когда Джон Донн был студентом лондонской юридической школы Линкольнз-Инн. Три элемента, три разных влияния сплелись в них: любовные элегии Овидия, итальянская ренессансная традиция поэтического парадокса и увлечение театром. Это, в сущности, драматические монологи, обращенные одновременно и к конкретному слушателю, и к публике;

*Джон Донн в возрасте 18 лет.
Гравюра с утраченного
портрета 1591 года. Фронтиспис
«Стихотворений Дж. Д.» 1635 и 1639 гг.*

да и герой их узнаваем — этакий повеса и влюбленный из елизаветинской пьесы, красноречивый и дерзкий — более Меркуцио, чем Ромео.

По мнению Э. Гарднер, лишь 15 из 21 элегий, пронумерованных Грирсоном, являются несомненно донновскими; остальные она относит, к разделу *Dubia*. После исключения стихотворения *The Dream*, которое, собственно, элегией не является, остается четырнадцать. Приводим их список в том (предположительно хронологическом) порядке, который дает Э. Гарднер:

- The Bracelet (Браслет)
- The Comparison (Сравнение)
- The Perfume (Аромат)
- Jealousy (Ревность)
- Nature's lay idiot (Любовная наука)
- O, let me not serve so (Ересь)
- Love's war (Любовная война)
- To His Mistress Going to Bed (На раздевание возлюбленной)
- Love's Progress (Путь любви)
- Change (Изменчивость)
- The Anagram (Аннаграмма)
- On His Mistress (На желание возлюбленной)
- His Picture (Портрет)
- The Autumnal (Осенняя элегия)

Из этих четырнадцати элегий не включена в данную книгу лишь последняя; на русском языке она имеется в прекрасном переводе А. Сергеева.

Ревность (Elegy I. Jealousy).

Как лондонцы, что за Мостом живут... — Большая часть лондонского «Заречья» (южного берега Темзы) официально не входила в город и не подчинялась юрисдикции лорд-мэра Лондона.

*Вид Лондона. Фрагмент гравюры 1616 года.
На заднем плане — старый (допожарный)
собор Св. Павла*

Анаграмма (Elegy II. The Anagram). — Слово это означает, собственно говоря, перестановку букв, превращающую одну запись (слово или фразу) в другую. Здесь же это перестановка качеств, превращающая красоту в уродство. Прием, не изобретенный Донном: его уже использовал итальянский поэт Франческо Берни (ок. 1497—1535) и — в подражание ему — Филипп Сидни.

*Ведь женщины что ангелы: опасней
Падение тому, кто всех прекрасней.* —

По распространенной версии, Сатана был прекраснейшим из ангелов, но возгордился, восстал и был низвержен.

*Как наводнений мутная вода
Фламандские хранила города
От вражьих армий...* —

Как известно, значительная часть земель в Нидерландах отвоевана у моря посредством дамб и плотин. Во время войн с испанцами и французами не раз бывало, что осажденные города спасались, открывая шлюзы и затопляя окружающую равнину.

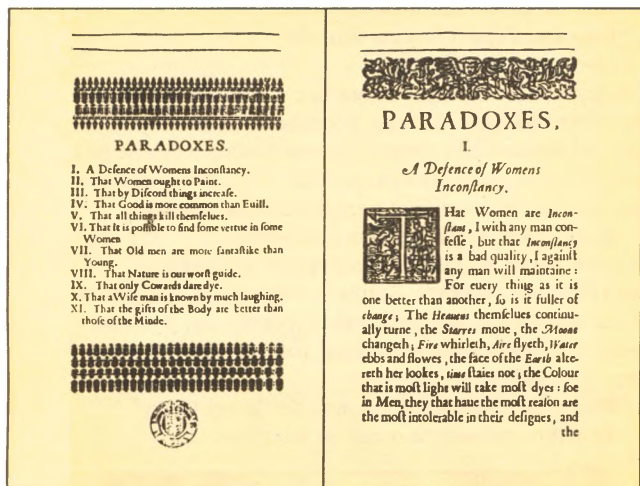
Ведь даже чурка, взятая в кровать... — Это двестише было опущено при первой публикации элегии (1633) по причине непристойности. В оригинале более конкретно названы «инструменты», упоминаемые и у других литераторов той же эпохи (например, у Нэша и Марстона):

Whom Dildoes, Bedstaves, and her Velvet Glasse
Would be as loath to touch as Joseph was.

*Любовники. Гравюра из книги баллад
конца XVI — начала XVII века*

Изменчивость (Elegy III. Change). — У Донна есть прозаический парадокс на эту тему: «В защиту женского непостоянства». Опубликовано посмертно в сборнике «Юношеские произведения» ('*Juvenilia*', 1635).

**Оглавление и первая страница книги Донна
«*Juvenilia, or Certaine Paradoxes and Problems*»**

Аромат (Elegy IV. The Perfume).

Уж как, бывало, он глазами рыскал —

Как будто мнил прикончить василиска... —

По средневековой легенде (идушей от Плиния), василиск — чудовище, убивающее взглядом, но только в том случае, если первым увидит свою жертву; если же его увидят первым, он сам умирает на месте.

О выброски презренные земли и т.д. —

Инвектива Донна против духов составлена из разных доводов, моральных и схоластических. Надо

учесть, что духами в то время называли не только цветочную настойку, но и специальные мази, включающие афродизиаки (то есть возбуждающие средства), именно такие мази были в ходу у модных повес. В эти «духи» входили обычно различные малоаппетитные ингредиенты — вплоть до сухого кошачьего помета («*коль врозь воняют составные части...*»).

Портрет Донна в образе влюбленного кавалера, погруженного в сумрак меланхолии. Надпись гласит: ILLUMINA TENEBRAS NOSTRAS DOMINA (Озари нашу тьму, Госпожа). Неизвестный художник, около 1595 г.

Портрет (Elegy V. Valediction: His Picture). — Стихотворение написано, скорее всего, в 1596 году, когда Донн принял участие в экспедиции против испанцев (атака Кадиса), или в 1597-м (вторая экспедиция; см. *послание* Кристоферу Бруку).

Отречение (Elegy VI. O, let not me serve so).

И от любви твоей я отпаду,

Как от погрязшего в неправде Рима. —

Разрыв с неверной возлюбленной дается в терминах религиозных распрей, типичных для того времени. Тут и отлучения, идущие из Рима; и обвинения, идущие в Рим. Англичане для Римской церкви, конечно, еретики. Мысль Донна — не ждать отлучения, но отречься самому.

Лютер сжигает папскую буллу, отлучающую его от церкви. Гравюра XVII в.

Любовная наука (Elegy VII. Nature's lay idiot).

Так долго воск трудился размягчать,

Чтобы чужая втиснулась печать? —

Воск и печать — один из излюбленных эротических символов (или эвфемизмов) у елизаветинцев.

Сравнение (Elegy VIII. The Comparison). — Так же, как и «Анаграмма», относится к жанру «осмеиваний», восходящих к римской традиции. Есть тут влияние и итальянских «антипетраркистов», того же Франческо Берни.

В Сансере, затворившись от врагов... — Осада Сансера в 1573 году — эпизод гугенотских войн во Франции.

Как печь алхимика, в которой скрыт

Огонь, что втайне золото родит, —

Жар сокровенный, пыл неугасимый

Таит любимейшая часть любимой. —

Алхимические процессы в старинных книгах зачастую описывались в терминах эротических и любовных.

*Печь алхимика. Из «Немой книги»,
алхимического альбома XVI в.*

Образ любимой (Elegy X. The Dream). — Конечно, это стихотворение должно входить в раздел «песен и сонетов», а не элегий. Но так у Грирсона, и мы следуем традиции.

Браслет (Elegy XI. The Bracelet). — Элең Гарднер помещает эту элегию первой и датирует 1593—1594 годами. Связь с драмой, со сценическим монологом тут прослеживается очень четко. Существовала пьеса («Солиман и Перседа»), которую Донн, вероятно, видел или читал, в которой влюбленный, потерявший ожерелье, посылает глашатая на улицы объявить о пропаже и предложить нашедшему вознаграждение в сто крон.

Ужель двенадцать ангелов благих... — «Ангелом» называлась английская золотая монета XVI века (с изображением ангела). Отсюда неизбежные каламбуры. Вообще тема порчи и подделки монет была весьма злободневна и часто обыгрывалась в литературе (см. дальше по тексту).

*«Ангел». Золотая монета Елизаветы I
(выпуск 1587—90 гг)*

*Но вряд ли утешенье я найду,
Когда цепями их скуют в аду. —*

Подразумевается, что дама потребовала взамен потерянного браслета изготовить такой же, пустив на

переплавку двенадцать золотых. Отсюда каламбур: скупают цепями, то есть выкупают из них цепочку (браслет).

Будь это горсть испанских золотых... — Политические интриги испанцев, злейших врагов английской короны, — также богатая тема для аллюзий. *И небо разделив на сто Домов...* — У Донна не сказано, на сколько именно домов. Фактически астрологи делили небесную карту на двенадцать Домов; я рискнул употребить здесь слово «сто» в значении «много». В зависимости от Дома определяется предназначенный человеку род занятий. В последние два Дома входили, согласно таблицам, грабители, воры, буяны, а также прачки, горничные и т.д.

*Астролог. Из трактата Р. Флудда
«О космическом двуединстве», 1619 г.*

Власти, Господства и Силы — вторая триада в девятке чинов ангельских; выше их — серафимы, херувимы, престолы; ниже — начала, архангелы и ангелы (в узком смысле).

На желание возлюбленной сопровождать его, переодевшись пажом (Elegy XVI. On His Mistress's Desire to be Disguised and to go like a Page with Him). — Эта элегия для меня особенно перекликается с ренессансной драмой, более того, непосредственно с Шекспиром: «...И сострадаьем, В тебе зачатый жарким излияньем Моей тоски...» («Отелло»); «...и ненавистью ярой Твоей родни — и разлученья карой...» («Ромео и Джульетта»); и т.д.

Орифья — жена Борея, похищенная им на берегу Илиса. По варианту мифа, рассказанному Платоном, Борей столкнул Орифею со скалы и погубил ее.

*Учти, французы — этот хитрый сброд,
Разносчики хвороб дурных и мод...* —

Пассаж о содомитских наклонностях континенталь-

Французские моды. Гравюра 1594 г.

ных распутников, вызвал неодобрение у Грирсона своим «странным дурным вкусом», «полным отсутствием деликатности».

· **Путь любви** (Elegy XVIII. Love's Progress).

Любовь свою, как медвежонка мать,

Мы не должны без удержу лизать... —

Согласно средневековым bestiариям, медвежата рождаются в виде бесформенных комков, и только мать-медведица, усердно вылизав детенышей, придает им нужную медвежью форму.

Медведица. Из английского средневекового bestiария

Прилипала — легендарная Ремора, рыба-прилипала, которая, по моряцким поверьям, может остановить плывущий корабль, присосавшись к его днищу.

...да послужит вам ступня

Надежной картой к странам вожделенным... —

Это место осталось для переводчика несколько темным; приводим оригинал по-английски:

Some simmetry the foot hath with that part
Which thou dost seek, and is thy map for that...

Она эмблемой служит постоянства. — Действительно, в книгах «эмблем» (то есть нравоучительно-символических рисунков с подписями и девизами) ступня обозначала постоянство.

А ныне папской тешился ступнею. — Целование папской туфли всегда было особенно мерзкой для англичан приметой римского католичества.

Полет свободных сфер сквозь эмпирию... — Скорость, с которой движутся небесные сферы сквозь

Сферы Птолемея. Изображены орбиты семи планет: Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Еще дальше располагается восьмая, звездная сфера, размеченная по эклипике знаками зодиака. Из небесного атласа Цезариуса, 1708 г.

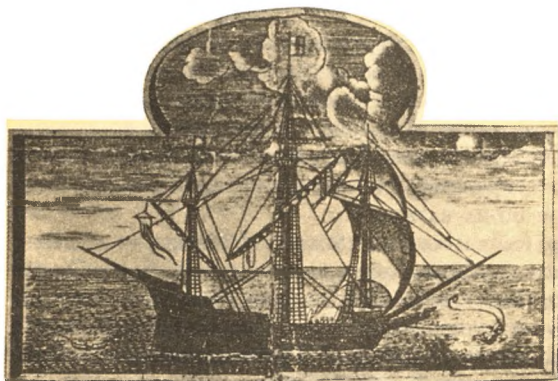
бесплотный эфир, совершая полный оборот вокруг земли за 24 часа, противопоставляется скорости птиц, полет которых происходит значительно ниже и замедляется сопротивлением воздуха. Недурная физическая идея!

На раздевание возлюбленной (Elegy XIX. To His Mistress Going to Bed).

Моим рукам-скитальцам дай патент

Обследовать весь этот континет... —

Имеется в виду королевский патент, выдаваемый командующему морской экспедиции. Например, патент Елизаветы I, выданный сэру Хамфри Гилберту в 1578 году, предоставлял ему право «открывать и исследовать те отдаленные языческие земли, страны и территории, которые не являются владениями какого-нибудь христианского принца или народа».

***Корабль английского мореплавателя и пирата
Фрэнсиса Дрейка «Золотая лань», на котором он
совершил второе после Магеллана кругосветное
путешествие***

Любовная война (Elegy XX. Love's War).

К чему нам разбирать голландцев смуты? —

Упоминаются четыре места, куда бы мог отправиться воинственный англичанин, искатель приключений. Во-первых, Нидерланды, где английские добровольцы сражались на стороне голландцев против испанцев. Во-вторых, Франция, где они поддерживали гугенотов (тут, кстати, делается намек на заем, данный Елизаветой Генриху Наваррскому, деньги, казавшиеся пропавшими после того, как Генрих неожиданно перешел в католичество — «увы, нам этих падших не спасти!»). В-третьих, Ирландия, где не прекращались восстания (надо сказать, что даже образованные англичане в ту пору почитали ирландцев за полудикарей, которыми непременно нужно править). И наконец Новый Свет, Америка.

ПЕСНИ И СОНЕТЫ

В первом (посмертном) издании 1633 года раздела «Песни и сонеты» не было, и входящие в него стихотворения были хаотически распределены по всей книге. Название это появляется во втором издании 1635 года. Следует сказать несколько слов об этом разделе, о порядке, в котором следуют стихи, и об их названиях.

«Песни и сонеты» (Songs and Sonnets) — заглавие весьма условное, ибо среди стихотворений данного раздела мало «песен» и совершенно нет сонетов. Это всего лишь название популярного сборника XVI века, которое сделалось на какое-то время почти синонимом того, что мы называем теперь «любовной лирикой». Именно в этом значении оно возникло в одной из рукописей (при жизни Донна его стихи распространялись, в основном, «самиздатом», путем переписки охочими к тому людьми) — а оттуда перекочевало в издание 1635 года.

Следует иметь в виду, что и слово “sonnet” означало не только сонет (в его 14-строчной форме), но и всякое стихотворение небольшого объема и лирического (в особенности, любовного) содержания. Так что, если бы мы хотели держаться ближе к сути дела, мы бы должны были озаглавить раздел «Стихи и песни», или даже просто «Стихи о любви». Но в данном случае не хочется держаться ближе к сути, а хочется — ближе к традиции, если даже она слегка запутывает дело. Итак, будем говорить: «Песни и сонеты»;⁴ подразумевая, что название это — цельное, не разложимое на составные части.

Что касается расположения стихов, то здесь чаще всего традиционно придерживаются издания Грирсона 1912 года.

Хотя Элен Гарднер в Оксфордском издании 1965 года предложила новый порядок: она разделила стихи на две части, выделив, как более поздние, стихотворения, отличающиеся:

1) более зрелой и усложненной любовной философией (со стороны содержания) и

2) более сложной и изощренной строфикой (со стороны формы).

Аргументы ее вески и подкрепляются также биографическими и историко-хронологическими фактами.

Велико искушение принять точку зрения Э. Гарднер. Стихи ложатся четким, логическим порядком: сначала перед нами поэт с лютней, сочиняющий любовные песни, или молодой повеса, насмешливый и пылкий, упражняющийся в изысканном остроумии; потом — верный и верящий своей избраннице влюбленный, неоплатонический философ, прославляющий слияние душ, величие и бессмертие любви (и лишь изредка, в качестве игры ума, рассматривающий ее и с противоположной, цинической точки зрения).

Однако и ответственность велика. Ведь само по себе расположение стихов, предложенное Э. Гарднер, уже содержит разгадку, версию судьбы и характера. Можно ли довериться этой четкости? А, может быть, повеса и философ были перемешаны в поэте намного теснее, чем это готово допустить наше логическое, «эволюционное» мышление? Может быть, больше правды в хаотическом порядке, когда друг за другом с ошеломляющей непоследовательностью следуют доводы pro и contra, мольба и насмешка, трогательное прощание с любимой и желчное прощание с любовью?

(Вспомним другого великого лирика — Катулла, его «новую маленькую книжку, жесткой пемзой вытертую гладко», — сборник, составленный по принципу roikilia (пестроты): мольба и насмешка, умилительное и сатирическое соседствуют в нем столь же непредсказуемым образом.)

Радикально решает эту проблему составитель авторитетного Пингвиновского издания А. Дж. Смит: он печатает «Песни и сонеты» просто-напросто в алфавитном порядке.

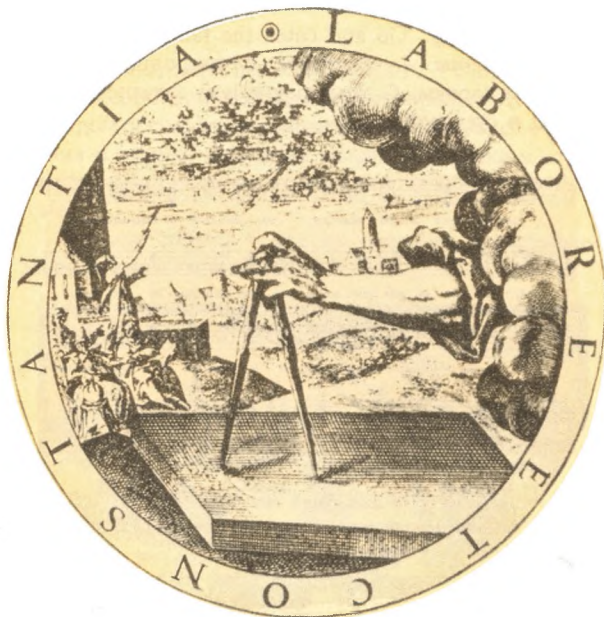
В этой книге мы решили дать порядок стихов, в основном, по Грирсону, сознавая всю условность такого шага: ведь, давая частичную выборку из полного цикла, мы тем самым заведомо нарушаем порядок следования стихов друг за другом.

Лишь в двух местах сделаны сознательные перестановки: мы выносим на первое место «Прощание, возбраняющее печаль» и заключаем «Прощанием с любовью».

Что касается названий стихотворений, неизвестно, какие из них являются авторскими. В рукописях тут большой разницей. Тем не менее мы приводим устоявшиеся названия и в переводе допускаем лишь небольшие вольности.

Прощание, возбуждающее печаль (A Valediction: forbidding Mourning).

Дрожание небесной сферы. — Вибрация или колебание девятой небесной сферы (хрустальной) — один из постулатов старой геоцентрической астрономии. Величественное, но недоступное взорам профанов дрожание неба противопоставляется «вульгарному» землетрясению, как утаенная высокая скорбь — пошлым и шумным проявлениям горя.

Циркуль — символ труда и постоянства. Из книги эмблем поэта-пуританина Джорджа Визера, 1635 г. Неподвижная ножка циркуля трактуется, как «неуклонная настойчивость» в «честном и выгодном деле»

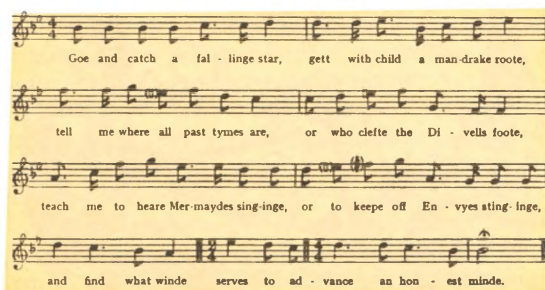
С добрым утром (The Good Morrow).

Семь сонливцев — семь юношей-христиан, которые, согласно легенде, укрылись от преследований в пещере и проспали там 187 лет.

Есть смеси, что на смерть обречены... — По средневековым представлениям, долговечность всякого тела (и в том числе, здоровье человека) зависит от правильного и равновесного смешения составляющих его элементов.

Песня (Song: 'Go and catch the falling star').

Мандрагора — растение с антропоморфным толстым корнем. С этим растением связано много легенд и суеверий.

Песня «Go and catch the falling star».

Музыка неизвестного автора конца XVI — начала XVII века

Женская верность (Woman's Constancy). — Набор софизмов, доказывающих, что их автор не зря учился в юридической школе и мог бы стать ловким крючкотвором.

*Что мы уже не те — и нет закона
Придерживаться клятв чужих? —*

Человек неизбежно меняется: сегодня он такой, а вчера был другой: как же можно отвечать за обязательства другого?

К восходящему солнцу (The Sun Rising). — Преображенная почти до неузнаваемости, и все-таки типичная алба: идущий еще от провансальской поэзии жанр любовной лирики с жалобами на краткость ночи, с упреками стражу, творящему побудку (в данном случае, солнцу).

Канонизация (The Canonization). — Одно из главных «неоплатонических» стихотворений Донна, в котором воспевается совершенная любовь, ее откровения и чудеса. Основная мысль: мученики и страстотерпцы любви достойны канонизации, как святые.

Чумные списки — списки умерших, вывешиваемые во время эпидемий.

Чума в Лондоне. С титульного листа книги
Т. Деккера «Бич беглецов», 1625 г.

Тройной дурак (The Triple Fool). — Стихи Донна действительно перелажались на музыку его современниками; в некоторых случаях до нас дошло и более одного варианта мелодии. См., например, примечания к следующему стихотворению или к «Последнему поцелую».

Музыкант. Гравюра XVI в.

*Как опресняется вода морей,
Сквозь лабиринты проходя земные.. —*

Почему вода в морях соленая, а в реках пресная? — этот вопрос занимал ученых с древних времен. Теория фильтрации воды сквозь «бесчисленные вьющиеся каналы», «вены и капилляры» Земли, была выдвинута еще Аристотелем и сделалась обычным объяснением в средние века.

Песня (Song: 'Sweetest love, I do not go'). — Сохранилось два музыкальных переложения этого стихотворения. Впрочем, вполне возможно, что Донн написал его под какую-то уже известную ему мелодию.

Dear - est love I doe not goe, for wear - i - ness of
 thee, or that all the world can show, a fit - ter
 love for mee. But since that I must die at
 last, tis best to use my selfe in jest, thus
 by fay - ned death to dye.

Песня «Sweetest love, I do not go».
Музыка неизвестного автора конца XVI —
начала XVII века

Лихорадка (A Fever).

Твердят, что землю Огонь спалит.. — Вопрос о конце мира и о «технологии» этого конца усердно обсуждался философами. Теория огненного конца была особенно популярна: она опиралась и на мнения древних (в частности, стоиков), и на апостольские слова: «А нынешние небеса и земля, содержащие тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков» (2 Петра, III).

Но нет, не смеет боль терзать и т.д. — аллюзия на огонь чистилища, выжигающий людские грехи: она так чиста и безгрешна, что «огню не хватит пищи».

Облако и ангел (Air and Angels).

Любовь, как видно, не вместима

Ни в пустоту, ни в косные тела и т.д. —

Чрезвычайно сложное, даже для Донна, «кончетти».

Любовь не может вместиться ни в пустоту, ни в избыток телесной красоты; его любовь могла бы вместиться лишь в ее любовь, как ангел (серафим) облекается в воздушную, облачную оболочку. Хотя и это непросто: любовь женщины воздушна и изменчива, как облако; и потому им «трудней, чем Духу с Воздухом сродниться».

Годовщина (The Anniversary). — Одно из «неоплатонических» гимнословий Донна. Обратим внимание на дерзкую мысль: поэт допускает, что их (его и возлюбленной) души по смерти обретут жизнь блаженнее, чем на земле; однако он не может смириться с заурядностью этой перспективы, ожидающей слишком многих; лишь при жизни они превосходят всех блаженством, властью и славой.

Растущая любовь (Love's Growth).

Квинтэссенция — пятая стихия, чистая суть всякого вещества. Вожделенная цель алхимиков; важное понятие средневековой медицины.

Так Солнце Вечеру лучи дарит... — В те времена полагали, что все небесные тела обязаны своим блеском солнцу.

Сон (The Dream).

Воспламенив мой жар и потушив,

Меня, как факел, держишь наготове... —

Факел, уже однажды горевший, легче зажечь, чем новый: этот образ Донн использовал и в своих проповедях.

Алхимия любви (Love's Alchemy).

Как химик ищет в тигле Совершенство...

Алхимики в своих опытах искали, прежде всего, некие идеальные субстанции: квинтэссенцию, жизнен-

ный эликсир, философский камень и т.д. Попутно они двигали науку вперед и делали полезные открытия.

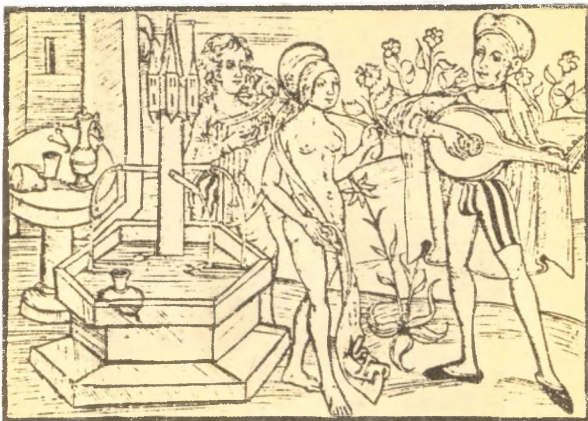
*Алхимик. Фрагмент гравюры Питера Брегеля.
Около 1568 г.*

*Должно быть, слышат, по своей охоте,
И в дудках свадебных — музыку сфер. —*

Недоступная людскому слуху «музыка сфер», «*musica mundana*», определяет гармонию мироздания, движение небесных сфер, — так полагали мыслители Ренессанса (да и не только они: идея о связи астрономии с музыкой уходит в глубь веков).

Следовательно, мысль этого стихотворного пассажа такова: желающие обольщаться и в грубой свадебной музыке услышат то, чего в ней нет — возвышенное и духовное.

Следует обратить внимание и на «дудки свадебные». Здесь это также фаллический символ; с древности духовые инструменты противопоставлялись струнным, как низменное — возвышенному, как плотское — небесному и как дьявольское — божественному.

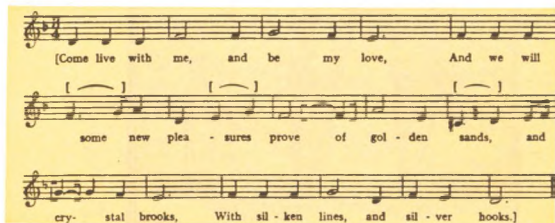
*Voluptas (Похоть). Гравюра из книги С. Брандта
«Корабль дураков». Базель, 1497*

Блоха (The Flea). — Джон Донн отнюдь не был первым из поэтов XVI века, обратившим внимание на это домашнее животное. Например, французский поэт Этьен Паскье в 1579 году — посетив мадам Де Рош в Пуатье и заметя у ней на груди блошку, увековечил это событие в сборнике “La Puce de Madam Des Roches” (1582), состоявшем из более чем пятидесяти стихотворений, написанных на французском, испанском, итальянском, греческом и латинском языках. Разные поэты писали о блохе; но все стихотворения можно четко разделить на два типа: сти-

хотворец либо мечтал стать блохой (дабы прильнуть и т.д.), либо завидовал блошиной смерти в ручках у прекрасной дамы. Воображение Донна далеко выходит из этой схемы: он заставляет блоху куснуть сначала его, потом — его возлюбленную, смешать в себе их кровь и тем самым сделаться живым воплощением «неоплатонического» единства влюбленных. Контраст высокого и низкого получается очень сильный.

Ворожба над портретом (Witchcraft by a Picture). — Речь идет о древнем приеме магии: колдун изготавливает изображение врага и, причиняя вред изображению, вредит оригиналу. Но как происходит у Донна «изготовление орудия колдовства»? Ворожея, то есть возлюбленная, плачет в минуту расставания, и в ее слезах отражается образ любимого — образ печальный и уязвимый.

Приманка (The Bait). — Это стихотворение — вариант популярной песенки того времени 'Come live with me and be my love' на стихи К. Марло «Влюбленный пастух» (известен также «Ответ нимфы влюбленному пастуху», сочиненный Уолтером Рэли).

*Песня «Come live with me and be my love».
Музыка XVI в.*

Призрак (The Apparition).

Весталка — в древнем Риме: жрица богини Весты, давшая обет целомудрия. То есть, непорочная дева.

...Но нет, еще не время! — Он не хочет ее заранее пугать теми ужасными словами, которые произнесет, явившись в виде призрака; ибо, устранившись, она может отказаться от своих распутных планов и лишит его горькой радости мщения — единственного наслаждения, которое ему осталось после того, как он убедился в ее нелюбви и лицемерии.

Охотник с соколом. Гравюра из книги Джорджа Турбервиля «Соколиная охота», 1575

Пища Амура (Love's Diet). — Отталкиваясь, в сущности, от одной детали — наличия у Амура крылышек, Донн развивает смелую метафору — воспитание Амура, как охотничьего сокола. Особенно он настаивает на суровости рациона и отсутствии всяких поблажек: его Амур должен быть хищным охотником, безжалостным сердцеедом. Есть в этом стихотворении и какое-то подводное течение — скрытая горечь, наводящая на мысль, что это все лишь бравада, показная бесчувственность души, затаившей жестокую обиду.

Погребение (The Funeral). — Запястье из волос, подаренных возлюбленной, — драгоценный залог и тайный знак, которым тешилось воображение молодых людей в шекспировские времена. Герой стихотворения просит похоронить его с этим амулетом, который сохранит его тело от тления. Два заключительных стиха проясняют драматическую подоплеку ситуации: он умирает от ее холодности, от недостатка любви.

Могильщики. Гравюра 1620 г.

Возвращение (The Dissolution). — В переводе несколько изменена терминология: *распад* на начальные элементы заменен *возвращением к первооснове* (тому же набору основных элементов); ни суть дела, ни логика дальнейшего рассуждения от этого не страдают, но приходится изменить название: вместо «Распад» поставить «Возвращение». Сравним начало стихотворения по-английски и по-русски:

She is dead; and all which die
 To their first Elements resolve;
 And we were mutual Elements to us,
 And made of one another...
 (Она мертва; а так как, умирая,
 Все возвращается к первооснове,
 А мы основой друг для друга были
 И друг из друга состояли...)

*Актеры на сцене. С титульного листа трагедии
 «Роксана», 1632 г.*

Предостережение (The Prohibition).

Подмостками я стану для тебя. — В оригинале сказано сильнее: “So shall I live thy Stage, not triumph be..” («Так я буду вживе твоими подмостками, а не триумфом».) Смысл: оставшись живым, я стану для тебя подмостками, где ты сможешь ежедневно разыгрывать сцену своей победы, а не триумфальным зрелищем, в котором пленник погибает единожды и навсегда.

Последний поцелуй (The Expiration). — В некоторых рукописях называется “Valediction”, “Valedictio Amoris” и т.п.; в иных — вовсе без названия. Это обстоятельство позволило кардинальным образом решить проблему перевода названия, в оригинале неоднозначного: expiration — выдох, последний вздох, кончина, туман.

So, so breake off this last la - ment - ing kisse which sucks two
soules and va-pours both a - way, turne thou ghost that way, and
let me turne this, and let ourselves be-night our hap - piest
day, we ask'd none leave to love, nor will we owe a -
ny so cheape a death . . as say - ing goe, we ask'd none leave to
love, nor will we owe a - ny so cheape a death . . as say - ing goe.

Песня на стихи Донна «The Expiration».
А. Феррабоско, 1609

Это первое стихотворение Донна, появившееся в печати. Оно было опубликовано вместе с музыкой композитором Альфонсо Феррабоско в сборнике «Песни» (*Ayres*) в 1609 году. Другое (анонимное) музыкальное переложение тех же стихов сохранилось в рукописи, хранящейся в Бодлеевской библиотеке в Оксфорде.

Оба переложения — для лютни и голоса.

Подсчёт (*The Computation*). - В оригинале числовой итог составляет 2400 лет ($20 + 40 + 40 + 100 + 200 + 1000 + 1000$) - ровно по 100 лет за каждый час суток; в переводе несколько меньше - 2370 лет ($20 + 50 + 100 + 200 + 1000 + 1000$) - по 98,75 лет за час. Что делать - всякий перевод приближителен!

Лекция о тени (*A Lecture upon the Shadow*). — В стихотворении возвеличивается полдень любви, ее высший миг, не омрачаемый никакими тенями. Дополуденные тени — это оглядка, страх перед чужими глазами и ушами, перед молвой; после-полуденные тени — это охлаждение, тяга к перемене, потеря искренности. Но это уже не любовь: первый же миг после полудня — ночь:

Love is a growing, or full constant light;
And his first minute, after noon, is night.

Твикнамский сад (*Twicknam Garden*). — В поместье Туикнам Парк (*Twickenham Park*, ныне в черте Большого Лондона) жила в 1608—1617 гг. одна из покровительниц Джона Донна, графиня Бедфорд. Если стихи посвящены, как полагают, леди Бедфорд, то это одно из позднейших стихотворений Донна на любовную тему.

Паук любви, который все мертвит... — Считалось, что пауки превращают в яд все, что они съедают.

Чтоб мандрагорой горестной стонать... —
Существовало поверье, что корень мандрагоры стонет, когда его извлекают из земли.

*Из них одна доподлинно верна, —
И тем верней меня убьет она. —*
Его возлюбленная верна другому, вот в чем дело.

*Люси Хэррингтон, графиня Бедфорд (1581—1627).
Миниатюра Исаака Оливера, 1605 г.*

Прощание с любовью (Farewell to Love).

Ребенок, видя пряничного Принца... — Речь идет о фигурных пряниках, какие продавали на ярмарках.

Какой-то меланхолией объят. — Фраза “post coitum triste” обычно приписывалась Аристотелю.

Зачем, как Лев и Львица, и т.д. — К Галену восходившее мнение, что львы и петухи не испытывают посткоитального упадка сил, связывалось с соляр-

ной природой этих животных, обладающих якобы избытком «солнечной» энергии.

Мужчина и лев. Рисунок А. Дюрера

*Ведь каждая нам сокращает на день
Отмеренный судьбою срок... —*

Распространенное убеждение того времени, опять-таки основывающееся на авторитете Аристотеля.

Цитварное семя — глистогонное средство; считалось также анафродизиак, т.е. средством, подавляющим половое влечение.

Дьявол Астарот: рисунок театрального костюма, 1539 г.

САТИРЫ

Сатиры написаны в тот же период, что и элегии — в 1593—1597 годах. Всего их пять; причем первые четыре обычно встречаются вместе, в виде единого цикла, пятая же сатира, которую мы тут не даем, ценится комментаторами значительно ниже, в ней Донн «повторяет образы, которые он уже использовал раньше с большей силой и убедительностью» (У. Милгейт).

В оригинале сатиры не имеют названий; подзаголовки добавлены переводчиком.

Сатира I (Прогулка).

В каморке этой узкой, как пенал... — Комнаты, в которых жили студенты Линкольнз-Инна, были

*Ученый за чтением. Фреска Томазо да Модены,
1530-е гг.*

разгорожены надвое: на каждого приходилось весьма узкое помещение. Донн был зачислен в Линкольнз-Инн 6 мая 1592 года; его соседом за перегородкой был Кристофер Брук, остававшийся до самой своей смерти близким другом Донна (см. Послания).

Политик, объясняющий мытарства

Мистического тела Государства... —

Политика (так же, как, например, космогония) подчеркивала целокупность объекта своего изучения, уподобляя его человеческому телу: правитель — голова и т.д.

О пуританин в области манер... — то есть очень строго (пуритански строго) соблюдающий церемонии.

Вдовья часть — обговариваемая брачным контрактом часть состояния, которая остается вдове в случае смерти мужа.

*Не скинув плоти плащ, душе никак
Блаженства не вкусить...* —

Тот же образ, что и в элегии «На раздевание возлюбленной»:

Как душам бремя тел, так и телам
Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство...

*Скорей я вам скажу, какому франту
Дано увлечь Йоркширскую инфанту...* —

Подразумевается дочка какого-нибудь нового богача: Йоркшир — традиционный район овцеводства; на шерстяном мешке, как на символе богатства, до сих пор восседает председатель Палаты лордов. Кроме того, в этом ироническом термине «Йоркширская инфанта» заключена аллюзия на домогания испанцев: булла папы Секстия V (1588) объявляла Филиппа Испанского королем Англии и тем самым испанскую инфанту — наследницей английского трона.

(А теперь признаемся, что в оригинале сказано не совсем так с буквальной точки зрения; но функционально, по смыслу — каламбур тот же самый.)

Спешит к стене притиснуться скорей... — Идти ближе к стене считалось привилегией; существовало даже выражение ‘to take the wall of somebody’ — «занять более почетное положение».

Слон и Обезьяна, презрительно реагирующие на имя испанского монарха (или римского Папы), действительно существовали в 1593 году; это такое невинное балаганное развлечение лондонских патриотов.

Заядлый табакур встречается нас. — У. Милгейт отмечает, что это третье по хронологическому счету упоминание о курении табака в Англии (два предыдущих датируются 1588 и 1589 годами).

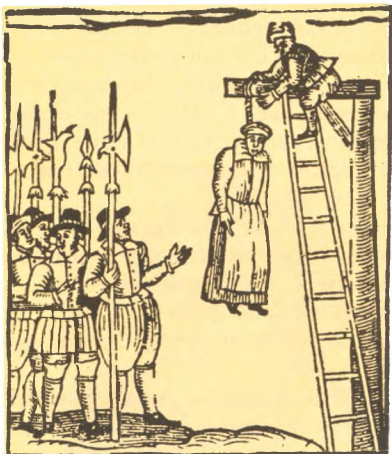

Курильщики табака. С английской лубочной картинки XVII века. Подпись в стихах:

*Еда к обжорству нас ведет
И похоти плодит;
Но тот безгрешен и блажен,
Кто теплым дымом сыт.
Ему не нужно с губ и рук
Стирать салфеткой жир:
В кيسе кухня у него,
А в трубке — целый пир*

Сатира II (Адвокат-стяжатель).

«Виселичный псалом». — Во времена Донна осужденный к смерти мог спасти свою шею от веревки, доказав, что он умеет читать. Обычно для проверки использовали начало 51 Псалма (*Miserere*). «Если кто-либо убьет другого в запальчивости и окажется, что преступник умеет читать, ему оказывают милость в том, что всего лишь отрубают руки, в надежде, что он может еще принести пользу; если же он не умеет читать, то должен поплатиться жизнью» («Путешествия Томаса Платтера по Англии», 1599).

Казнь через повешение. Гравюра XVI в.

...так дышит

Органчик дряхлый с куклами на крыше. — Органчики с танцующими куклами, приводившимися в движение воздушными мехами, были распространены в XVI веке во многих странах Европы.

Коский (Coscus) — условное латинское имя, указывающее на связь донновской сатиры с ее древнеримскими образцами.

*Темнит, — как вор, в темницу сев, темнит,
Что, мол, за поручительство сидит.. —*

Самой почтенной причиной, по которой человек мог оказаться в тюрьме, было поручиться за кого-нибудь (например, за должника перед кредитором) — и впоследствии пострадать за чужую вину.

...так сперва

Желал бы Лютер сократить слова

Святых молитв и т.д. —

В молодости Лютер был католическим монахом. В своем знаменитом переводе Нового Завета на немецкий язык (фундаменте его реформаторской деятельности) он вслед Эразму Роттердамскому и древнегреческим кодексам ввел в «Отче наш» слова «Ибо Твое есть царство и сила и слава во веки», отсутствовавшие в латинском переводе («Вульгате»).

Таков мой сказ:

Его не подвести вам под Указ.—

Заключительные слова звучат подозрительно современно. Приводим их в оригинале:

But my words none draws

Within the vast reach of th'huge statute laws.

Сатира III (О религии). — Джон Донн происходил из католической семьи и получил соответственное религиозное воспитание. Но католицизм жестоко преследовался в Англии того времени; он считался едва ли не государственной изменой. Естественно, что сделать какую-нибудь карьеру католику было невозможно. Это, видимо, и побудило Донна перейти в англиканство. Соответствующая точная дата неизвестна, но, по-видимому, он сменил конфессию не позже 1596 года (участие в военной экспедиции

в Кадис против католической Испании) или, по крайней мере, 1597 года (поступление на службу к лорду Эджертону). К этому примерно времени и относят комментаторы третью сатиру. Ее тема — религиозное самоопределение человека.

Миррей — олицетворяет католика.

Кранц — означает кальвиниста.

Грей — вероятно, адепт греческой церкви. Но следующий выпад сатириста показывает, что он обличает одновременно и нетерпимость англиканства.

Не женишься — заплатишь отступного,

Как новомодный их закон гласит. —

Множество законов, вводящих всевозможные ограничения, штрафы и т. д., были направлены против уклоняющихся от англиканского вероисповедания.

Фригий и Гракх — два типа религиозного вольнодумства.

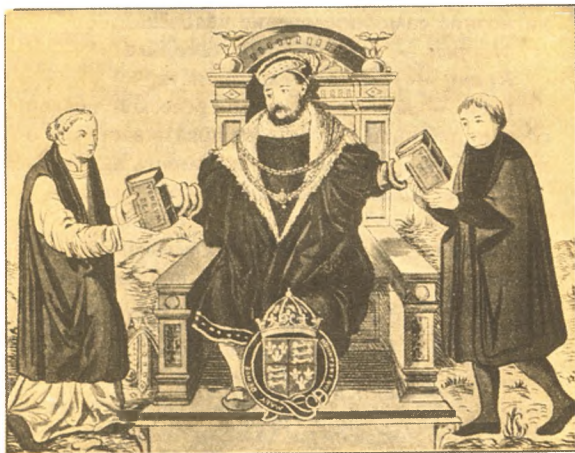
... Филипп или Григорий,

Иль Мартин, или Гарри ... —

*Основатель протестанской церкви в Германии
Мартин Лютер (1483—1545). Гравюра Лукаса
Кранаха Младшего*

Здесь уравновешены представители католичества (испанский король и римский папа) реформаторами Генрихом XVIII (Гарри) и Мартином Лютером.

Генрих VIII (1491—1547) — основатель и глава англиканской церкви. На рисунке (с фронтисписа Ковердейловской Библии) изображен раздающим Священное Писание клирикам и мирянам

Сатира IV (О суете придворной).

... попов

На мессу, заплатил в сто марок штраф... — Закон 1580 года угрожал штрафом в 100 марок (и годом тюрьмы вдобавок) за посещение католической обедни.

Не сыщешь ни в Гвиане, ни в Гвинее — то есть ни в Африке, ни в Новом Свете. *Гвиана* сделалась популярна в Англии после плавания Уолтера Рэли и опубликованной им книги «Путешествие в огромную, богатую и прекрасную империю Гвиана»

(1595). *Гвинея* тоже была на слуху: гвинейские куры и гвинейские («морские») свинки; а когда в 1664 году были выпущены золотая монета с изображением слона, она моментально получила название «гвинея».

Обитатели Новой Гвинеи (безголовые). Гравюра из книги о путешествиях. XVI в.

Норманская резня — избиение норманов в 1012 году.

Когда поднимется мастеровой

На чужаков... —

Недовольство против иностранных торговцев и ремесленников в Лондоне со стороны их английских коллег вызывалось конкуренцией и принимало иногда угрожающий характер. В 1517 году дошло до погромов. В 1593 году в одной из листовок против «чужаков» говорилось: «Да будет известно всем фламандцам и французам, что лучше им подобру-поздорову убраться из Англии до 9 июля нынешнего года. Иначе пусть пеняют на себя; подмастерья подни-

мутся в числе двух тысяч 336 человек. И все подмастерья и поденщики покончат с фламандцами и другими чужаками».

«Эй, падре, стой!» — Иезуитов и католических священников, проникавших в Англию нелегально, казнили, как шпионов.

Сурий и Джовий — континентальные историки ярко выраженного антиреформаторского направления.

Калепайновский словарь. — Имеется в виду многоязычный словарь (в Базельском переиздании 1590 года — одиннадцатиязычный).

Беза (де Без), Теодор (1519—1605) — теолог-кальвинист, выполнил новый перевод Нового Завета с древнегреческого на латынь.

...Апостолы, конечно,

Знавали толк в наречьях... —

«И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деяния Апостолов, II, 4).

Панург болтал на разных языках... — Панург «болтал» на двенадцати языках, если верить Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль», книга II, глава 9).

...спартанец

От пьянства отвращался видом пьяниц... —

Спартанцы нарочно напивали илотов до безобразия и в таком виде приводили их на свои пиры, чтобы отвратить юношей от порока пьянства (Плутарх).

Картинки Аретино — вероятно, картинки Джулио Романо, изображающие шестнадцать способов любви, к которым Пьетро Аретино (1492—1557) сочинил шестнадцать столь же откровенных сонетов.

Холиншиед, Рафаил — автор знаменитых «Хроник» Англии, откуда и Шекспир черпал сюжеты своих исторических пьес.

...кто, продав

Поместье, стал владельцем полных прав

На ввоз и вывоз и т.д. —

Практика всяческих лицензий, откупов и монополий расцвела пышным цветом при дворе Елизаветы; они стали вожделенной целью многих дворян, мечтавших об обогащении.

Монополист в виде волка с руками-крюками, захватившего торговлю маслом, мылом, вином, картами, трубками, булавками и прочим.

Карикатура Холлара, 1641 г.

Хэмптон-Холл — королевский замок вблизи Лондона.

Дюнгерцы — пираты из Дюнкерка, грабившие без разбору все суда и не раз совершавшие набеги на прибрежные английские города.

Садик восковой... — Речь идет о дорогой итальянской игрушке с фигурками из воска.

*Неважно, что на завтра их продать
Актерам отнесут...* —

Костюмы, в которых играли артисты елизаветинских театров, были не театральными, а настоящими, зачастую очень дорогими придворными нарядами — гордость комедиантов и одна из главных приманок зрителей. Их дарили щедрые меценаты или продавали кавалеры, оказавшиеся в затруднительном положении.

Макрин — имя, по-видимому, заимствованное из второй сатиры древнеримского поэта Персия.

*В зал приемный, как в Мечеть,
Вступает он...* —

То есть благоговейно, как мусульмане, снимающие обувь при входе в мечеть.

...выверяет позы

По Дюреру... —

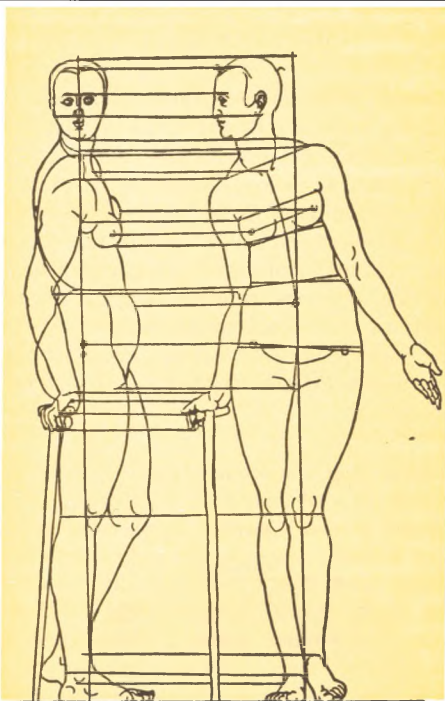
Книга Альбрехта Дюрера «О человеческих пропорциях», изданная в 1528 году (год смерти художника), содержала многие десятки рисунков мужских и женских фигур в разнообразных позах.

...в соседнем холле

Семь смертных сторожат меня Грехов...—

Семь фламандских гобеленов с изображением смертных грехов до сих пор висят в Хэмптон-Холле в помещении, где в старые времена, вероятно, была комната стражи.

Аскапар — великан из старинного рыцарского романа.

*Альберт Дюрер. Рисунок из книги
«О человеческих пропорциях», 1528.*

Смирению Маккавеев подражая... — 1-я и 2-я книги Маккавеев входят в католическую, но не входят в протестантскую Библию (так же, как и в православную). Донн имеет в виду следующие слова: «И если я хорошо и должным образом поведал свой рассказ, то это все, к чему я стремился; если же дурно и слабо, то это все, чего я сумел достичь» (2 книга Макк., XV, 38).

ЭПИТАЛАМЫ

Эпиталама, написанная в Линкольнз-Инне (Epithalamion made at Lincoln's Inn). — Предположительно сочинена для шутовской свадьбы, разыгранной студентами. Надо сказать, что студенты лондонских «Судебных Иннов» умели повеселиться, особенно в рождественские и летние каникулы, и различные театрализованные представления и праздники занимали почетное место среди их забав. Джон Донн, по некоторым правдоподобным свидетельствам, был среди своих товарищей «распорядителем увеселений» (Master of Revels) — говоря по-нашему, заводилой.

Эпиталама, или Свадебная песнь в честь принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха, сочетавшихся браком в день Святого Валентина (An Epithalamion, or Mariage Song on the Lady Elizabeth and Count Palatine being married on St. Valentine's day). — Принцесса Елизавета Стюарт (1596—1622) была старшей дочерью короля Якова I; пфальцграф Фридрих V — один из видных германских князей, возглавлял т.н. Протестанскую унию. Бракосочетание между ними (14 февраля 1613 года) имело большое политическое значение и было обставлено исключительно пышно.

Епископ Валентин — святой мученик, чей день поминовения — один из любимейших праздников в Англии. По преданию, Св. Валентин перед казнью послал дружескую записку дочке своего тюремщика. Поэтому на 14 февраля англичане до сих пор посылают друг другу «валентинки» — послания в прозе и в стихах, серьезные и шуточные, дружеские и любовные.

Но это только одна сторона праздника. День Св. Валентина — это еще и встреча весны, день, когда птицы небесные брачуются, находят себе пару.

Двух Фениксов, в избытке сил

Смешавших жизнь свою, и кровь, и пыл...—
Сквозь все стихотворение проходит это изысканное «кончетти».

Каждый из высоких брачующихся сторон является фениксом, ибо, во-первых, он редкая птица сказочной красоты, во-вторых, бессмертен. Это второе распадается в свою очередь на подпункты, почему бессмертен: во-первых, потому что, сгорая в пламени страсти, не погибает, во-вторых, потому что производит потомство, стаю «новых фениксов». Завершается же это все апофеозом, в котором неразделимо сливаются оба феникса, — восстанавливая тем самым status quo, при котором в природе должен существовать лишь один-единственный чудесный, неповторимый Феникс.

*Феникс. Из английского средневекового
бестиария*

Как Солнце, милостью дарит она,

А он сияет, как Луна;

Иль он горит, она сияет и т.д.

Мужское и женское начало (солнечное и лунное) меняются местами и смешиваются в физическом и в неоплатоническом соединении влюбленных.

Любовь как метафизическое единство. Гравюра из книги «Rosarium Philosophorum», XVI в.

ПОСЛАНИЯ

Стихотворные послания Джон Донн писал и в ранние, и в зрелые годы — вплоть до середины 1610-х годов, когда он, став священником собора Св. Павла, практически оставил стихотворство.

Единственный сохранившийся автограф стихов Донна — как раз послание в стихах, отправленное

в 1612 году из Франции двум дамам — Леди Кэри и миссис Эссекс Рич. Эта рукопись найдена сравнительно недавно, и выглядит она так: стихотворение написано на одной стороне тонкого листа бумаги in quarto с золотым обрезом; лист сложен в маленький пакет и снаружи надписано имя получателя. Письмо, вероятно, предназначалось для включения в периодически отправляемую в Лондон курьерскую почту.

That ye, of yor. who are a firmament
 Of vertues, when no one ye grows, nor spent;
 They' are yet Materials, not yet Ornament
 Others, whom we call virtuous, are not so
 As theyr whole substance, but theyr vertues grow
 But in theyr Honor and at Status. know.
 For when through tastles flat Humilites,
 In Doi-bahd near some Harmelansy. we see
 'Tis but bys eleganc that's virtuous, and not hee.
 So ye the blood of matymy. who ever you
 In danger vniportunall hee was than,
 no better than a sanguine virtuous mass.
 To Closet all Men who in pretence of fear,
 All Contributions to theyr Left heere
 Have virtu in Melancholy, and onely there.
 Spiritual Choleric Critiqs, wch in all
 Religious find fault, and forgive no fall,
 Make through theyr Zeale virtu, but in theyr Gell.
 We' are thus but parcoll. gilt; To ye old we are grown,
 when virtu ys our Soules Complexions,
 who knowes ys vertues Name, or place, hath none.
 virtu ys but flouster when tis Sincere;
 By Swaen wch and Circumstantial;
 True virtu ys Soule allowes in all deads all.
 Theyr virtu, thinkes to yme Dignitee
 In yet Soule, found than no infirmitie,
 for yet Soule was as good virtu, as shee.
 Shee therefore wrought upon that part of ye^r
 wch ye, undoubtedly leftt her Soule, as shee could doe,
 And for hath made yet Brandy vertue be;

Письмо Донна Леди Кэри и миссис Рич.
 Нижняя часть листа

Кристоферу Бруку. Шторм. (To Mr. Christopher Brooke. The Storm.) — Это послание, как и следующее за ним, описывает перипетии военно-морской экспедиции 1597 года, в которой принимал участие Джон Донн (в числе 500 дворян-волонтеров).

Главнокомандующим был фаворит Елизаветы граф Эссекс, вице-адмиралом — Томас Хоуард, конт-адмиралом — Уолтер Рэли. Целью экспедиции было уничтожение испанских кораблей в Эль-Ферроле и захват «золотого флота». Ничего этого не получилось. Предприятие оказалось столь же неудачным, как и все другие, которые возглавлял Эссекс, совершенно бездарный в военном отношении.

Кристофер Брук (1570 - 1628) - близкий друг Джона Донна, с которым он познакомился во время учёбы в Линкольнз-Инне.

Хильярд, Николас (1547—1619) — знаменитый художник-миниатюрист.

*Сэр Уолтер Рэли.
Миниатюра Хильярда, конец XVI в.*

*Подобно Сарре мы торжествовали,
Следя, как наши паруса вспухали. —*

Сарра, жена Авраама, забеременела, когда оба они были в преклонных летах. (Бытие, глава 21.)

Иона — библейский пророк, пытавшийся избежать повеления Господа. Он сел на корабль, идущий в Фарсис; но ночью разразилась ужасная буря. Корабельщики бросили жребий, чтобы узнать, из-за кого их постигла эта беда, и жребий пал на Иону, спавшего в это время в трюме... «И взяли Иону и бросили его в море; и утихло море от ярости своей» (Кн. Ионы, глава 1).

Бермуды — острова, славящиеся своими штормами. Любопытно, что их худая слава дожила до нынешних дней («Бермудский треугольник»).

Штиль (The Calm).

*Мы думали, что Аист — наш тиран,
А вышло, хуже Аиста Чурбан. —*

В басне Эзопа лягушки попросили Зевса дать им царя и получили в правители деревянный чурбан. Через некоторое время они возроптали на бездеятельность своего царя, и тогда Зевс заменил им чурбан на аиста, который стал их пожирать. Донн «выворачивает» известную притчу наизнанку.

Земля все ветры держит взаперти... — В средние века считалось, ветры рождаются у Земли в утробе — так же, как ветры в утробе у человека. Даже землетрясения объясняли тем, что эти ветры, спертые под землей, бушуют, ища выхода наружу.

Отсюда выход — только в рыбью пасть

Для прыгающих за борт ошалело... —

Речь идет об особой «морской лихорадке», которая заставляла моряков прыгать за борт, принимая волны за зеленые луга.

Гуляет, аки отрок в жаркой печи... — Навуходоносор велел бросить в раскаленную печь иудейских юношей, отказавшихся поклониться его кумиру; но огонь не причинил им вреда. (Кн. Даниила, глава 3.)

Баязет (Баязид) — турецкий султан, которого Тамерлан, пастух из Скифии, пленил и заключил в клетку; что было известно всякому, знакомому с трагедией К. Марло «Тамерлан Великий» (поставлена в 1588 году).

Как муравьи, что в Риме змейку съели... — У Светония в «Жизни цезарей» рассказывается о ручной змее императора Тиберия; однажды он нашел ее заеденной муравьями «и увидел в этом знак остерегаться насилия черни» (Кн. III, 72).

*Око Провидения над картой земного полушария.
Слева — Добрая Слава, справа — Худая Слава.
С титульного листа книги Уолтера Рэли
«История мира», 1614 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	6
Предисловие	9

ЭЛЕГИИ

Ревность	25
Анаграмма	27
Изменчивость	29
Аромат	31
Портрет	34
Отречение	35
Любовная наука	37
Сравнение	38
Образ любимой	40
Браслет	41
На желание возлюбленной сопровождать его, переодевшись пажом	45
Путь любви	47
На раздевание возлюбленной	50
Любовная война	52

ПЕСНИ И СОНЕТЫ

Прощание, возбраняющее печаль	54
С добрым утром	56
Песня («Трудно звездочку поймать...»)	57
Женская верность	58
К восходящему солнцу	59
Канонизация	60
Тройной дурак	62
Песня («О, не печалься, ангел мой...»)	63
Лихорадка	65
Облако и ангел	66
Годовщина	67
Растущая любовь	68
Сон	69

Алхимия любви	70
Блоха	71
Ворожба над портретом	72
Приманка	73
Призрак	74
Пища Амура	75
Погребение	76
Возвращение	77
Предостережение	78
Последний поцелуй	79
Подсчет	80
Лекция о тени	81
Твикнамский сад	82
Прощание с любовью	83

САТИРЫ

Сатира I (Прогулка)	85
Сатира II (Адвокат-стяжатель)	89
Сатира III (О религии)	93
Сатира IV (О суете придворной)	97

ЭПИТАЛАМЫ

Эпиталама, сочиненная в Линкольнз-Инне	104
Эпиталама, или Свадебная песня в честь принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха	108

ПОСЛАНИЯ

Кристоферу Бруку	
Шторм	112
Штиль	115

КОММЕНТАРИИ	117
-------------------	-----

Донн Джон
Д67 Избранное / Пер. с англ. Г. М. Кружкова.— М.: Моск. рабочий, 1994.— 174 с.

Великий английский поэт, современник Шекспира и его мощный соперник в лирике, «король остроумцев» и религиозный философ, насмешник и человек огромного ренессансного темперамента, Джон Донн (1572—1631) еще мало известен читателям в России, хотя он оказал сильное влияние на поэзию XX века. В этой книге собраны в основном его светские стихи: знаменитые «Песни и сонеты» — вершина любовной лирики Возрождения, полные изящной эротики элегии, сатиры, эпиграммы и послания.

В комментарии книги включен тщательно подобранный иллюстративный материал XVI—XVII вв.: гравюры, портреты, музыкальные переложения стихов Джона Донна.

Расчитана на знатоков и ценителей поэзии.

Джон Донн

ИЗБРАННОЕ

*из его элегий, песен и сонетов, сатир,
эпиталам и посланий*

Заведующая редакцией *И. Шалаева*
Художественный редактор *М. Кудрявцева*
Технический редактор *А. Ершова*

Лицензия № 010184 от 05.02.92 г.

Подписано к печати 18.04.94.
Формат 70 × 100/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,38. Усл. кр.-отт. 13,05. Уч.-изд. л. 6,88.
Тираж 5000 экз. Заказ 4586.

Издательство «Московский рабочий»
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ**

